

С-20
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Г. Х. САРКИСЯН

**ИСТОРИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АРМЕНИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА
И МОВСЕС ХОРЕНАЦИ**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук

ЕРЕВАН — 1966

Работа выполнена в Институте истории Академии наук Армянской ССР.

Защита диссертации состоится в 1966 г., на открытом заседании Ученого Совета Института истории АН Армянской ССР.

Отзывы просим направлять по адресу: Ереван-1, ул. Абовяна 15, ученому секретарю Института истории АН Армянской ССР.

Автореферат разослан 1966 г.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АН АРМЯНСКОЙ ССР

В деле освещения той или иной эпохи истории армянского народа решающее значение приобретает какая-либо определенная группа источников. Армянская историография берет свое начало в V в. н. э.— со времени создания письмен. О литературе предшествующего периода нам известно чрезвычайно мало, а дохристианская армянская литература просто неизвестна. Поэтому, если средневековые изучается преимущественно на основе армянских же источников, а иноязычные источники играют здесь хотя и важную, но вспомогательную роль, то в области древней истории эти две группы источников меняются местами. В частности—период с IV в. до н. э. освещен главным образом греко-римскими нарративными источниками.

Этим последним, однако, при всей их ценности, в аспекте истории Армении присущи два недостатка. Во-первых, за незначительным исключением, эти источники дают об Армении лишь случайные и отрывочные сведения, которые, к тому же, почти не затрагивают внутреннюю жизнь страны. Во-вторых, количество сведений об Армении, содержащееся в этих источниках, едва ли будет существенно расти за счет открытия новых данных; ныне мы оперируем практически той же суммой этих сведений, которая была известна армянистам уже 50—100 лет тому назад.

В отличие от этой группы, сумма местных, армянских источников по указанному периоду, как показывает опыт последних десятилетий, способна существенно расти.

Наибольшие надежды в этом направлении связаны, разумеется, с археологией. Раскопки в Гарни ежегодно приносят новый, часто первоклассный, материал по истории первых веков н. э. Свой вклад вносит начавший систематически раска-

пываться Армавир, древнейшая столица Армении. На очереди — раскопки древних столиц Арташата и Ервандашата и ряда других городов, крепостей и прочих памятников.

Постоянная, хотя и тонкая струя случайных находок армянских иноязычных эпиграфических памятников внушает надежду, что систематические раскопки упомянутых городов приведут к массовому открытию эпиграфики этого рода. В то же время уже существующий материал нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

В еще большей мере нуждается в изучении другая группа источников — данные раннесредневековых армянских историков. Они распределены крайне неравномерно. В историях Агафангела, Фавстоса Бузанда, Лазара Парбеци, Егише, посвященных событиям IV—V вв., сохранились лишь отдельные сведения по истории предшествующего периода. Так называемая «Начальная история Армении» анонимного автора, дошедшая до нас в составе «Истории» Себеоса, содержит ряд древних сказаний, сведения об установлении династии Аршакидов в Армении, царские списки. Единственным историком, последовательно излагающим историю интересующего нас периода, является Мовсес Хоренаци, который уделил ему две из трех книг своей «Истории Армении». Из этих книг эллинистическому периоду посвящена вторая, начинающаяся с Александра Македонского. Мовсес Хоренаци повествует о всех царях, дает их хронологию, описывает современные им события, иногда сравнительно скупое, часто — довольно пространно, в некоторых случаях — очень детально. Сообщенные им сведения охватывают и внешние (войны и т. п.), и внутренние события, и явления культурного порядка. Таким образом проблема использования сведений раннесредневековой армянской историографии фактически сводится к проблеме использования данных Мовсеса Хоренаци.

Чтобы дать представление о сущности последней, следует вкратце охарактеризовать эволюцию оценки труда Хоренаци в историко-филологической литературе¹. До середины XIX в.,

¹ Подробнее об этом см. М. А б е г я н, История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1948, стр. 203 слл.; Г. А р м е н, История критики Хоренаци, Иерусалим, 1954 (на арм. яз.).

с незначительными отклонениями, продолжалось то благоговейное отношение к Мовсесу Хоренаци, сложившееся в конце раннего средневековья, которое превратило его «Историю» в учебник, в образец и первоисточник всех исторических трудов, созданных впоследствии. Начавшееся в новое время использование иноязычных материалов по истории древней Армении знесло элемент критического отношения к труду Хоренаци, однако состязание долго еще кончалось в пользу последнего.

Изменение этого положения начиная с 70-х гг. XIX в. было обусловлено явными расхождениями, обнаружившимися между данными Хоренаци и сообщениями иноязычных (главным образом — греко-римских) источников, к тому времени уже достаточно освоенных в арменоведении. Предпочтение, по хронологическим и иным соображениям, было отдано античным источникам; данные Хоренаци были объявлены в основном недостоверными². Вскоре было выдвинуто обвинение также в фальсификации. Отыскав в труде Хоренаци отрывки, которые он, по мнению критиков, в V в. еще не мог получить, они стали утверждать, что Хоренаци скрыл истинное время своей жизни и принадлежит не к V в., как он сам утверждает, а к одному из следующих веков — от VI до IX в.³ Обвинения росли, подобно снежному кому, включая в свою сферу все новые и новые данные Хоренаци и наконец достигли утверждения, что весь его труд представляет собой огромную фальсификацию⁴.

Эти обвинения, конечно, не оставались без ответа. Во-первых, на основе нового тщательного изучения источников, послуживших для выдворения Хоренаци из V в., было показано, что связанные с ними материалы Хоренаци мог получить и в

² A. Gutschmid, Ueber die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren, „Veröff. d. Königl. Sächs. Gesellschaft der Wiss., Philos.-hist. Klasse“, Bd. XXIII, 1876.

³ A. Carrière, Nouvelles sources de Moïse de Khoren, Vienne, 1893 и многочисленный ряд работ этого же и других авторов.

⁴ Г. Халатянц, Армянский эпос в Истории Армении Моисея Хоренского, М., 1896; его же, Армянские Аршакиды в Истории Армении Моисея Хоренского, М., 1903.

V в.⁵ Далее, был опровергнут тезис о фальсификации Мовсесом Хоренаци источников, в частности—народных сказаний⁶.

В течение дальнейших десятилетий появлялись отдельные работы, авторы которых частью пытались изыскать новые доводы в пользу отнесения Хоренаци к VIII—IX вв., частью же отражали подобные попытки⁷.

В современной историографии по праву господствует мнение, что Хоренаци является автором V—начала VI в. Мы разделяем это мнение, поскольку ничто из того материала, который так или иначе затронут в нашем исследовании, не вынуждает нас совершать упомянутое перемещение. Тем не менее, вопрос о времени Хоренаци нельзя считать выясненным во всех деталях; тут еще предстоит работа. Однако специальное исследование этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

Если таково положение разработки этой стороны проблемы Хоренаци, то есть еще другая, важнейшая ее сторона, которая и является объектом нашего исследования—это вопрос об использовании «Истории Армении» как исторического источника. Дело в том, что в труде Хоренаци действительно имеются анахронизмы, попытки приурочить к истории Армении чуждые ей события и явления, случаи использования не идущих к делу материалов и т. п. Какова должна быть оценка подобных явлений?

Порочность подхода гиперкритически настроенных исследователей заключается в том, что свое внимание они сосредотачивают лишь на этих явлениях, видя в них сущность труда Хоренаци, и подменяют его всестороннее рассмотрение лишь их изучением, а выводы свои распространяют на всю «Исто-

⁵ Ф. Конибер, О времени Мовсеса Хоренаци, «Андес амсореа», 1902, январь, март; его же, Вопрос об источниках Истории Мовсеса Хоренаци, там же, июль, август (на арм. яз.).

⁶ М. Абебян, Армянские народные легенды в Истории Армении Мовсеса Хоренаци, Вагаршапат, 1899, и ряд работ других авторов.

⁷ Н. Акинян, Филологические исследования, т. 3, Гевонд Ерец и Мовсес Хоренаци, Вена, 1930; Я. А. Манандян, Решение проблемы Хоренаци, Ереван, 1934; Ст. Малхасянц, О проблеме Хоренаци, Ереван, 1940 (все на арм. яз.) и несколько других.

рию Армении». Тем самым они фактически игнорируют важнейшую часть труда Хоренаци, его подлинную сущность.

Однако борьба с таким подходом отнюдь не должна выливаться в огульное отрицание всех положений его сторонников, ибо многое в них верно; неприемлемы лишь крайности. Задача заключается в выявлении места и роли упомянутых анахронизмов и т. п. в «Истории Армении», в раскрытии причин их возникновения, с целью отбора из труда Хоренаци содержащихся в нем подлинных ценностей—исторически достоверного материала.

Достаточно мысленно представить себе обстоятельства создания «Истории Армении», чтобы стала понятной неизбежность наличия в ней упомянутого рода явлений. Гений Хоренаци проявился прежде всего в том, что он первым пришел к идее изложения целостной истории армянского народа. При этом он задался целью написать ее без пропусков, не обходя ни одного этапа. Какими же источниками он располагал? Век его отстоит от эллинистического периода (III—I вв. до н. э.) на 5—8 столетий, а от времени возникновения армянского народа—на полтора и более тысячелетия. Кроме того, его эпоха размежована с предшествующим периодом установлением христианства в Армении в начале IV в., которое, наряду с бесспорно прогрессивным значением, имело последствием разрыв в культурной преемственности, утрату существенной части культурных достижений дохристианской Армении.

Хоренаци использовал то, что до него было сделано в армянской историографии—это были труды, излагавшие историю отдельных периодов, притом в основном—сравнительно недавнего прошлого. В поисках источников он вступил в область народного творчества, благодаря чему до нас дошли такие жемчужины древнейшего армянского фольклора как гимн рождению Вахагна, отрывки из цикла сказаний о царе Арташесе и т. д. Он погрузился в писания иноземного происхождения, от Библии до произведений греческих риториков и философов, и выцедил все то, что могло быть отнесено к истории Армении. Он предпринял такие поиски, сущность которых лишь постепенно начинает проясняться перед нами, ибо источники

ряда ценнейших материалов, добытых им, остались совершенно неизвестными прочим армянским историкам и летописцам.

Тем не менее, все это оказалось недостаточным, и это естественно, для осуществления его всеобъемлющей программы изложения истории Армении. Оставались открытые или недостаточно насыщенные материалом периоды, для заполнения которых Хоренаци мобилизовал и такой источник как этимология (неизбежно—народная) собственных имен—топонимов, личных и родовых имен, этнонимов, строя на их основе ряд выводов и восстанавливая отдельные эпизоды истории. Он обращался также, в отдельных случаях, к посторонним писаниям, с целью обогатить свое изложение стилистически и т. д.

Понятно, что в процессе этих поисков, вместе с массой достоверных фактов, было собрано также какое-то количество недостоверных сведений, которые, будучи использованы на равных правах при изложении «Истории Армении», оставили свой неизбежный отпечаток в ряде ее разделов.

Таким образом, упомянутые недостатки труда Хоренаци вытекают из разрыва, противоречия, возникшего между обширностью его замысла и недостатком источников и, тем самым, пусть не покажется странным, являются свидетельством мощи его мысли, широты и глубины охвата им идеи историзма, каковыми он далеко опередил свой век и его возможности.

Вместе с тем, эти высокие качества Хоренаци затрудняют, и здесь также нет противоречия, использование его труда в качестве исторического источника. Стремление Хоренаци заключать добытый материал в законченные периоды, создавать во всем стройные и завершенные, лишенные внутренних противоречий системы, осуществлявшееся посредством слияния разнородного материала в однородную ткань повествования, создают большие трудности при попытке вторжения внутрь этих систем с целью разграничить достоверное и недостоверное.

А между тем, это должно быть сделано до конца, имея в виду крайнюю нужду в источниках в области древней истории Армении и наличие у Хоренаци материала, способного в существенной мере покрыть эту нужду.

В течение последних десятилетий в этом направлении уже проделана значительная работа, однако ее можно квали-

фицировать лишь как первый шаг. Целый ряд сведений Хоренаци о древнейшем и эллинистическом периодах истории Армении разобран в трудах М. Абега, Я. А. Манандяна, И. А. Орбели, С. Т. Еремяна, Б. Н. Аракеляна, Л. С. Хачикяна, Б. Б. Пиотровского, К. В. Тревер, И. М. Дьяконова, Г. А. Тирацяна, А. Г. Периханяна, автора настоящей работы и других исследователей⁸.

В этих трудах предстает новая, также критическая, ветвь хоренациеведения, которая, однако, в отличие от предшествующей литературы, где все в конце концов сводилось к вопросу о времени Хоренаци, имеет основной целью выявить и применить в деле освещения истории древней Армении сохранив-

⁸ М. А б е г а н, Армянские народные легенды, стр. 379 слл.; Я. А. М а н а н д я н, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—IV в. н. э.), Ереван, 1930, стр. 97; его же, Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943; его же, Критический обзор истории армянского народа, т. I, Ереван, 1944 (на арм. яз.), стр. 124 слл.; его же, Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946 и др.; С. Т. Е р е м я н, О рабстве и рабовладении в древней Армении, «Вестник древней истории», 1950, № 1, и ряд других; Б. А р а к е л я н, Об одном способе эксплуатации в древней Армении, «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1946, № 10 (на арм. яз.), стр. 61 слл.; Л. Х а ч и к я н, Замечание по поводу 54 главы второй книги «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, там же, 1948, № 11 (на арм. яз.), стр. 91 слл.; Б. Б. П и о т р о в с к и й, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946; К. В. Т р е в е р, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 104 слл.; И. М. Д љ а к о н о в, К. Б. С т а р к о в а, Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении, «Вестник древней истории», 1952, № 2; Г. Т и р а ц я н, Некоторые данные «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и «Географии» Страбона об истории Армении III—II вв. до н. э., «Банбер Матенадарани» («Вестник Матенадарана»), № 6, 1962 (на арм. яз.), стр. 6 слл. и другие статьи; А. Г. П е р и х а н я н, Древнеармянские востаники, «Вестник древней истории», 1956, № 2; ее же, Арамейская надпись из Зангезура, «Историко-филологический журнал», 1965, № 4, стр. 107 слл.; Г. Б а р т и к я н, Греческая надпись из Гарни и Мовсес Хоренаци, там же, 1964, № 3, стр. 229 слл.; Г. Х. С а р к и с я н, Градостроительство в Армении при Тигране II и вопрос о переселении чужестранцев, «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1955, № 2, стр. 43 слл.; его же, Из истории городской общины в Армении (IV в.), «Вестник древней истории», 1955, № 3; его же, Дастакерты и агараки в армянских источниках V века, «Историко-филологический журнал», 1962, № 3 (на арм. яз.) и др.

шийся в его труде достоверный материал. Методика этого направления радикально отличается от методики первоначального, некритического периода тем, что не просто опирается на данные Хоренаци, а предусматривает в каждом случае доказательство исторической достоверности тех или иных его сведений. Этот этап, таким образом, является закономерным результатом двух предшествующих этапов и вобрал в себя достоинства обоих, освободившись, в то же время, от их слабых сторон — некритичности первого и гиперкритичности второго.

Первостепенное значение в развитии этого направления имело открытие и ввод в научный обиход новых эпиграфических материалов по истории древней Армении, как, например, арамейских надписей Арташеса I, греческих надписей из Армавира, Гарни, Апарана, Тигранакерта и т. д. Тщательное изучение их, как и соответствующих данных античной историографии, весьма содействовало оценке по достоинству материалов, сохранившихся у Хоренаци.

Разумеется, не все шаги, проделанные в данном направлении, равноценны и среди них имеются и более, и менее убедительные, однако их объединяет и характеризует нечто общее: они в массовом порядке вскрывают сходство, а порой и совпадение данных Мовсеса Хоренаци с данными других достоверных источников.

Вместе с тем, однако, пока не сделано существенных попыток найти те нити, которые связывают Хоренаци с древним периодом истории Армении, те каналы, по которым информация об этих временах достигла до него. Часто ссылаются на «народные песни», «сказания», «устную традицию» и т. п., поскольку таковые не обязывают к более глубоким поискам: народная память способна сохранить эхо также древнейших событий. Однако характерная печать фольклора весьма часто отсутствует на сообщениях Мовсеса Хоренаци. Поэтому исследователи иной раз бывают вынуждены сослаться на имена, сообщаемые самим Хоренаци, скажем, Бардацана, Хорохбута, жреца Олюмпа и т. п., однако подобные ссылки ничем существенно не проясняют обстановки, являясь лишь повторением ссылок Мовсеса Хоренаци.

Хоренаци сам охотно и щедро упоминает свои источники; только для второй книги «Истории Армении» им названо в качестве источников около двух десятков авторов различного происхождения. Однако тщательнейшее исследование этих имен, проведенное в десятках и сотнях специальных работ, не дало существенного результата. Что было ясно с первого же подхода, а именно, что Хоренаци действительно пользовался трудами Евсевия Кесарийского, Иосифа Флавия и некоторых других авторов, то и осталось в силе, а прочие многочисленные имена по-прежнему пребывают всего лишь именами — частью нам известными, но не содержащими в своих, дошедших до нас, произведениях искомым данным, частью — просто неизвестными. Каковой бы ни была причина этого явления, нам остаются неизвестными истоки многих важнейших сообщений Мовсеса Хоренаци.

В этих условиях достоверность, правдивость сообщений Хоренаци, как бы убедительно она ни демонстрировалась исследователями, остается, принимая во внимание столетия и тысячелетия, разделяющие нашего автора от описываемых им событий, загадочной, необъяснимой. Кроме того, в подобных обстоятельствах мы неизбежно остаемся прикованными к сравнимым с Хоренаци параллельным источникам, заставляя Хоренаци говорить в той лишь мере, в какой у нас под руками имеются эти параллельные источники (а их крайне мало). А ведь ценность Хоренаци заключена и в тех его сведениях, которые отсутствуют в других источниках.

Поэтому, если бы оказалось возможным обнаружить подлинные истоки его сообщений, то, с одной стороны, удивляющая достоверность ряда их, перестав удивлять, стала бы вполне естественной, а с другой стороны, открылся бы доступ также к тем сведениям Хоренаци, которые не имеют параллелей, ибо точка опоры исследователей оказалась бы перенесенной с параллельных источников на истоки сведений Хоренаци.

В настоящей работе мы не делаем попытки в очередной раз перебрать источники, упоминаемые Мовсесом Хоренаци. Исходным для нас является факт массового сходства его данных с данными достоверных источников. Этот факт вселяет уверенность, что на армянской почве действительно должна

была существовать историографическая преемственность, которая, сквозь века и через преграды, воздвигнутые победившим христианством, достигла до армянской литературы V в. и, в частности, до Хоренаци. Такая преемственность, если она существовала, несомненно должна была оставить свои следы, пусть слабые. По ним то и можно восстановить, хотя бы частично, ее пути.

Такова первая из задач, стоящих перед нами в данной работе.

Вторая задача включает разбор хронологических представлений Мовсеса Хоренаци. Она теснейшим образом связана с первой нашей задачей тем обстоятельством, что роль хронологии в труде Хоренаци не пассивна, как в трудах других авторов, которые ограничиваются лишь нанизыванием событий на традиционную хронологическую нить, а активно взаимодействует с повествованием. Тот синхронный, многолинейный способ изложения исторического материала, который избрал Хоренаци, побудил его прежде всего создать крепкую хронологическую систему, которая затем стала программой изложения, обусловив не только общий ход повествования во второй и третьей книгах его труда (первая остается вне хронологической системы), но и зачастую его детали. Тем самым, свойства хронологической системы сообщились и самому повествованию—ее преимущества стали преимуществами последнего, ее недостатки—его недостатками.

Невозможно рассмотреть какую-либо часть хронологических указаний Хоренаци, скажем, указаний, относящихся к эллинистическому периоду, отдельно, изолированно от остальных указаний, ибо хронология Хоренаци является **системой** в полном смысле этого слова—все ее данные взаимосвязаны и взаимообусловлены, она лишена внутренних противоречий (хотя в ней и имеются отклонения от исторической действительности). Построение столь совершенной системы на разнохарактерных и порой взаимоисключающих данных, какие были в распоряжении Хоренаци, несомненно потребовало от него применения определенных творческих методов и способов обработки материала. То же, как вытекает из предыдущего, полностью относится ко всей его «Истории Армении», стройное

изложение которой является, несомненно, результатом обработки разнородного и нередко противоречивого материала.

И вот эти-то творческие принципы Хоренаци, без познания которых невозможно в необходимой мере проникнуть в его произведение, с гораздо большей ясностью и осязаемостью, чем в какой-либо другой области «Истории Армении», выявляются (и, следовательно, доступны изучению) именно в ее хронологической системе, так как она состоит из цифрового материала.

Отсюда понятно, что изучение хронологической системы Хоренаци важно не только для решения хронологических задач (будь то внутренние хронологические задачи труда Хоренаци, или задачи, связанные с построением научной хронологии истории армянского народа), но и вообще для правильного понимания его труда.

Имеется три возможных аспекта изучения хронологической системы Хоренаци: первый, основываясь на совокупности его указаний воссоздать с возможно большей приближенностью его хронологическую синхронную таблицу, исправив те мелкие неточности, которые вкрались в текст «Истории Армении» в течение многократной его переписки; второй, выявить и, что самое главное, объяснить особенности и отклонения его таблицы от принятой в науке хронологии; третий, использовать данные Хоренаци для построения научной хронологии.

В подавляющем большинстве работ, так или иначе касающихся хронологических данных Хоренаци, господствует этот последний, третий аспект—утилизация указаний Хоренаци, первые же два затронуты сравнительно мало⁹, да и то исследователи тратили гораздо больше сил на «исправление» системы согласно своему разумению, чем на попытки объяснить ее своеобразные черты и отклонения¹⁰.

⁹ Наилучших результатов в деле восстановления хронологических данных Мовсеса Хоренаци достиг Н. Адонц,—«Начальная история Армении» у Себеоса в ее отношениях к трудам Моисея Хоренского и Фауста Византийского, «Византийский временник», 1901, VIII; см. также Н. Марр, О начальной истории Армении Анонима, там же, 1894, I; А. Аннинский, Древние армянские историки как исторические источники, Одесса, 1899 и др.

¹⁰ M. J. Saint-Martin, *Fragments d'une histoire des Arsacides*, I, Paris, 1850, стр. 141 слл.; К. П а т к а н о в, Материалы для армянского сло-

Наша работа представляет собой именно такую попытку, конечная цель которой—найти пути к уверенному использованию хронологических данных Мовсеса Хоренаци.

* * *

Диссертация состоит из **введения**, суть которого изложена на предшествующих страницах, и двух частей с приложениями.

Часть первая озаглавлена: **Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци.**

Глава первая этой части посвящена вопросу обожествления и культа царей и царских предков в древней Армении.

Во всех классовых антагонистических обществах правители различными способами старались придать своей власти божественный оттенок. Для возникновения института культа правителя необходимой предпосылкой была огромная власть отдельных личностей, поднимавшая их на недостижимую высоту над обществом. В доэллинистический период мы можем обнаружить здесь и там, особенно в Египте, а также Двуречии, у хеттов и в Элладе отдельные элементы культа правителя, которые, в сочетании с обычным заупокойным культом, сыграли существенную роль в дальнейшем оформлении изучаемого явления¹.

Подлинное обожествление выпало на долю Александра Македонского. Диадохи пошли по его стопам. Антигон, Лисимах, Селевк, Деметрий Полиоркет получали божественные

варя, ч. II, СПб, 1884, стр. 55 слл.; С. Малхасянц, История Себеоса и Мовсес Хоренаци, Тифлис, 1899 (на арм. яз.), стр. 20 слл.; его же «Приложение» («Синхронические таблицы для второй и третьей книг Истории Хоренаци») к переводу на современный армянский язык «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, Ереван, 1940, стр. 347 слл.; Т. Авдалбегян, Новая попытка восстановления хронологического оригинала «Истории» Хоренаци, «Историко-филологический журнал», 1964, № 4, (на арм. яз.), стр. 206 слл. и др.

¹¹ L. Cerfaux et J. Tondriaux, Un concurrent de christianisme. Le culte des souverains, „Bibliothèque de théologie“, série III, vol. 5, Paris, 1957, стр. 87 слл.

почести от городов, находившихся в сфере влияния каждого из них¹².

Превращение культа правителя в упорядоченный религиозный институт произошло со сложением эллинистических государств. Возникло два направления этого культа — городское и общегосударственное. Если в создании и поддержании первого инициатива, по крайней мере — внешне, принадлежала городам, то во втором учредителями являлись сами цари, и культ становился официальным, обязательным для всего государства.

Государственный культ появился первоначально в виде культа родителей правящего царя. После смерти Птолемея I Филадельфом как «боги-спасители». Однако уже Птолемей Филадельф сделал новый шаг, обожествив еще при жизни себя и свою супругу Арсиною. Обожествление, сопровождавшееся отождествлением обожествляемого с каким-либо древним божеством было частым и характерным явлением. Птолемей I и Птолемей II имели претензии быть Гераклами, Клеопатра II — Исидой и т. д.

Селевк I Никатор был обожествлен его сыном Антионом I Сотером под именем Зевса-Никатора, сам Антиох — под именем Антиоха-Аполлона-Сотера. Антиох IV Эпифан объявил себя Зевсом Олимпием, Антиох VI и Антиох XII — Дионисами и т. д. Святилища, посвященные государственному культу царских предков и самого царя, имелись, по-видимому, в каждой сатрапии Селевкидского царства. Здесь пышным цветом цвели также городские культы.

За большими эллинистическими государствами по мере сил и возможностей тянулись малые: Пергамское царство, Вифиния, Капподокия. Митридат VI Евпатор, царь Понта, назывался Дионисом или Новым Дионисом и т. д.

Необычайно яркий материал, иллюстрирующий интересующее нас явление на почве Коммагены — одного из самых малых эллинистических государств, для нас представляет двой-

¹² Martin P. Nilsson, Geschichte der griechischen Religion Zweiter Band, Die hellenistische und die römische Zeit, Zweite durchgesehene und ergänzte Auflage, München, 1961, стр. 150 слл.

ной интерес по причине непосредственного соседства и тесных историко-культурных взаимосвязей Коммагены с Арменией.

На вершине горы Немруд-даг Антиохом I, царем Коммагены из рода Оронтидов (Ервандянов), правивших ранее (в III в. до н. э.) также в Армении, в 60-х г. I в. до н. э. было воздвигнуто грандиозное святилище, посвященное культу богов, царских предков и самого царя¹³. Здесь чтились синкретические эллинско-иранские боги: Зевс-Оромазд, Аполлон-Митра-Гелиос (Солнце)—Гермес и Геракл-Артагн (Вахагн)-Арес, далее—богиня Коммагена—кормилица страны и, наконец, сам Антиох I. Их колоссальные каменные статуи украшали святилище.

Рельефы на каменных плитах с посвятельными надписями, изображали предков Антиоха I. Один ряд плит посвящен предкам со стороны отца и начинается с изображения Дария I Ахеменида. После двух разбитых плит следуют прямые предки Антиоха—Ароанд, Артасура, потом Ароанд, сын Артасуры, надпись о котором гласит: «Ароанда (сына) Артасуры, который был женат на царевне Родогуне, дочери царя царей великого Артаксеркса Мнемона». Отсюда выясняется смысл присутствия Ахеменидов в числе предков Антиоха.

Другой ряд плит посвящен предкам Антиоха с материнской стороны и включает селевкидских царей, поскольку мать Антиоха была дочерью одного из них—Антиоха VIII (125—96 гг.). Этот ряд начинается с Александра Македонского, выступающего, по-видимому, в качестве политического предшественника Селевкидов.

Большая надпись на спинках сидений статуй богов повествует об организации культа в этом святилище, которое Антиох предназначил для своего погребения.

В Коммагене, как ни мала эта страна, имелось по меньшей мере еще три-четыре святилища, посвященных культу царя и его предков, в том числе одно из них—в столице государства Самосате.

¹³ K. Humann und O. Puchstein, *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*, Textband, Berlin, 1890, стр. 232 сл., T. Goell, *Throne above Euphrates*, „National Geographic“, vol. 119, № 3, 1961, стр. 390 сл.

Обычай культа царской династии—живого правителя и его предков, несомненно, должен был охватить и Армению, государство весьма значительное уже в первой половине II в. до н. э., а в первой трети I в. до н. э. ставшее, хотя и ненадолго, наиболее мощной державой Передней Азии. Следы его находим в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Интересующие нас данные вкраплены в различные места его труда.

Вот основные из них. Валаршак, брат парфянского царя Аршака, основатель династии Аршакидов в Армении (правление его Мовсес Хоренаци относит ко второй половине II в. до н. э.), в числе различных преобразований и нововведений, «построил храм в Армавире и установил там статуи Солнца, Луны и своих предков» (II, 8). Армавир—древнейшая столица Армении.

Арташес, внук Валаршака, великий завоеватель, «нашедши в Азии отлитые из меди позолоченные статуи Артемиды, Геракла и Аполлона, велел перевезти в нашу страну, чтобы установить в Армавире» (II, 12).

Царь Аршам, сын Арташеса, приказал Енаносу, своему сановнику еврейского происхождения, «либо вовсе отречься от законов иудейских и целовать землю перед Солнцем и идолами царя, ...либо всему его роду быть истребленным» (II, 24).

Лет через сто с лишним один из армянских царей, узурпатор Ерванд, Аршакид лишь по матери, «построил небольшой город на реке Ахурян... Он перенес туда все идолы, находившиеся в Армавире» (II, 40).

Следующий царь, Арташес, восстановивший законную власть, основал новую столицу—Арташат, «построил в нем храм и перенес туда из Багарана статую Артемиды и все идолы предков» (II, 49).

Лет еще через полтора года персидский царь Арташир Папакан, основатель династии Сасанидов, временно завладевший Арменией, приказал разбить «статуи, которые создал в Армавире Валаршак: изображения его предков, Солнца и Луны, которые были перенесены из Армавира в Багаран, и затем — в Арташат» (II, 77).

Как известно, данные Мовсеса Хоренаци о языческих культах древней Армении в свое время были подвергнуты жесто-

кой критике О. Карриером¹⁴. Было объявлено, что они полностью основаны на сведениях Агафангела, автора V века, поведовавшего об установлении христианства в Армении в начале IV века, и, в связи с этим, о разрушении языческих святилищ. Утверждалось, что всю предшествующую историю этих святилищ Хоренаци придумал сам—задним числом. Порочность этой критики заключалась в том, что все внимание ее инициатора было устремлено исключительно на те из данных Мовсеса Хоренаци о языческих культах, которые можно вывести из Агафангела. Остальные же сведения о них, не имеющие ничего общего с Агафангелом, игнорировались, а между тем именно среди них-то и содержатся ясные данные о культе царских предков в древней Армении. Эти данные Мовсеса Хоренаци удивительно сходятся с соответствующими данными по эллинистическим государствам.

Отметим несколько моментов такого сходства.

1. Тесная связь традиционных богов с культом царских предков в Армении. Это связь рельефно выступает и в коммагенском святилище Немруд-дага. Из богатой практики Селевкидов приведем два примера. В датировочной формуле надписи, найденной в Дура-Европос, упоминается жрец Зевса, Аполлона, царских предков и царя Селевка¹⁵. Список жрецов из Селевкии-в-Пиерии рисует ту же картину, но в более развернутом виде: царские предки в нем упоминаются поименно, и жрецов—несколько. Интересна, в частности, устойчивость состава богов, связанных с культом царской династии: те же Зевс и Аполлон вместе с Гераклом выступают в аналогичной роли в Коммагене и они же, вместе с Артемидой — в Армении.

2. Синкретический характер связанных с культом божеств в Коммагене находит полную параллель в Армении. Здесь фигурируют те же Зевс-Арамазд, Геракл-Вахагн; Аполлона и Артемиду Хоренаци называет также Солнцем и Луной. Третью, армянскую пару имен этих богов, Тир и Анахит, Хорена-

¹⁴ A. Carrière, *Les huit sanctuaires de l'Arménie païenne, d'après Agathange et Moïse de Khoren*, Paris, 1899.

¹⁵ M. Rostovtzeff, *Πρόγονοι*, „The Journal of Hellenic Studies“, vol. LV, 1935, стр. 56.

ци не упоминает, хотя он их конечно знал если не иначе, то из того же Агафангела.

3. Сходство в части культовых сооружений. В Немруд-дагском святилище поставлены статуи—богам и барельефы—предкам. По Хоренаци богам в Армении устанавливались **паткерк**—«изображения», под которыми, после того как Хоренаци указывает, что они были отлиты из меди и позолочены, мы узнаем статуи. Предкам же ставились **курк**—«идолы». Ясно, что между теми и другими была разница, как на Немруд-даге, и раз «идолы» не были статуями, остается думать, что это были барельефы.

4. Многочисленность святилищ, посвященных культу царской династии. Не говоря о Птолемах и Селевкидах, из святилищ, посвященных коммагенским Оронтидам, известно четыре или пять. Возможно, их было больше. В Армении Хоренаци упоминает три. Из других источников можно предположить о существовании еще двух. Однако, по масштабам страны, в Армении святилищ должно было быть больше.

5. Обожествление правящего царя. На него у Хоренаци имеется немного туманное указание, которое, однако, как убедимся позже, приобретает достаточную ясность при сопоставлении с другими фактами. Речь идет о требовании царя Аршама поклоняться «идолам царя».

Эти сопоставления, число которых можно и увеличить, свидетельствуют о том, что Хоренаци в интересующем нас вопросе располагал доброкачественным источником¹⁶.

Кроме приведенных данных, имеется и ряд других фактов, относящихся к культу правителя и его предков в Армении, которые позволяют глубже заглянуть в сущность исследуемого института.

В одном из заголовков («прологов») книг «Истории» Помпея Трога упоминается «Тигран, прозванный Богом, который подчинил себе Мидию и Месопотамию»¹⁷. Этот факт подтверждается и другим—двумя монетами, на которых читаем: «Ца-

¹⁶ Вопрос об источнике рассмотрен в следующих главах.

¹⁷ Pomp. Trog., *l'ol.* XLI.

ря великого Тиграна бога»¹⁸. Обожествление Тиграна произошло, вероятно, в период, когда он занимал селевкидский престол (83—69 гг. до н. э.) и даровал ряд привилегий сирийским городам¹⁹.

В связи с этим приобретает особый интерес рассказ Мовсеса Хоренаци об армянском царе Тигране, сыне Ерванда и его борьбе с мидийским царем Аждахаком (I, 24—31). Крупный исследователь древнеармянской литературы М. Абебян полагает, что исторической основой этому рассказу послужили подлинные эпические песни о Тигране II. Этот тезис М. Абебян подтверждает убедительным сопоставлением деталей рассказа с данными античных авторов о Тигране II²⁰.

Кроме исторической основы рассказа Мовсеса Хоренаци, М. Абебян видит и мифологическую его основу—широко распространенный в индо-иранском мире миф о борьбе бога-громовника с драконом (Ажи Дахака). В армянском пантеоне богом-громовником был Вахагн (иранск. Веретрагна), который в эллинистический период был отождествлен с Гераклом. В немруд-дагском святилище также фигурировал, как мы помним, Геракл-Артагн. У Мовсеса Хоренаци, вернее в его источнике—народном сказании—Вахагна заместил Тигран. Мы полагаем, что это произошло потому, что Тигран II при обожествлении был, согласно обычаю эллинистических царей, отождествлен с одним из древних богов—с Вахагном-Гераклом²¹.

Это заключение находит свое прямое подтверждение в том, что на оборотной стороне двух из известных нам монет Тиграна II изображен Геракл²². Важно отметить, что это медные монеты, имевшие местное хождение и притом чеканенные

¹⁸ H. Seyrig, Trésor monétaire de Nisibe, „Revue numismatique“ 1955, стр. 118.

¹⁹ Just., XL, 1. H. Seyrig, Antiquités syriennes, „Syria“, 1950, XXVII, стр. 26, слл., 38 слл.

²⁰ М. Абебян, Армянские народные легенды в Истории Армении Мовсеса Хоренаци, Вагаршпат, 1899 (на арм. яз.), стр. 379—510.

²¹ Кстати, у Хоренаци бог Вахагн эвгемерически выступает в качестве сына Тиграна.

²² G. Le Rider, Monnaies grecques acquises par le Cabinet des médailles en 1959, „Revue numismatique“, 1959—1960, стр. 25.

в Арташате, а не в Антиохии, как большинство монет Тиграна. Это доказывает, что культ Тиграна и его отождествление с Вахагном были приняты также в самой Армении.

Следующий письменный памятник, который привлекает внимание в связи с культом правителя в Армении, это греческая надпись из Гарни, которая начинается словами: «Гелиос-Тиридат, царь Великой Армении». Гелиос—это бог Гелиос (Солнце)—Апполон-Тир, а Тиридат (66—ок. 85 гг. н. э.)—основатель армянской ветви династии Аршакидов. Он был обожествлен, подобно Тиграну II, и отождествлен с этим богом. Традиции парфянских Аршакидов, отпрыском которых был Тиридат, как показывают письменные источники, монеты, а также данные раскопок усыпальницы парфянских царей в Нисе,—не противоречили этому акту²³.

Об усыпальницах армянских царей имеются сообщения Агафангела, Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци. Агафангел упоминает о крепости Ани как о «царском месте усыпальниц и могил армянских царей», где имелся «алтарь Зевса-Арамзда, отца всех богов» (785). Фавстос Бузанд повествует о крепости Ангел, где «находились многочисленные гробницы царей Аршакидов», а также о крепости Ани, в области Даранали, где были «гробницы первых царей армянских—храбрых мужей Аршакидов» и, в частности, гробница царя Санатрука—«искусное сооружение из невероятно больших и мощных каменных плит» (IV, 24, также Хор., III, 27). Обе эти усыпальницы несомненно являлись также центрами культа династии.

Одной из разновидностей культа правителя в эллинистическом мире и, далее, в римской действительности, был культ его «судьбы», его «счастия» (тюхэ, даймон). Упоминание о тюхе царя и, следовательно, указание на существование этой формы культа правителя также на армянской почве, встречаем в тигранакертской греческой надписи, относящейся к нача-

²³ См. L. Cerfaux et J. Tondriaux, ук. соч., стр. 260 слл.; И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4, стр. 126 слл.; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из Нисы I в. до н. э., «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960, стр. 21 слл.; здесь авторы делают оговорку, едва ли, по нашему мнению, необходимую.

лу IV века²⁴. По-видимому, культ правителя и его предков в тех или иных формах просуществовал в Армении вплоть до установления христианства.

Сложнее обстоит дело с хронологией его начала, зарождения. О культе правителя с уверенностью можно говорить лишь начиная со времени Тиграна II, однако ничто не обязывает считать этот период началом также культа царских предков. Кажется допустимым приписать его учреждение царю Арташесу I (189—ок. 160 гг. до н. э.). Расширение в этот период территории, увеличение военной мощи и политического престижа армянского государства создали необходимые к этому предпосылки. Царь Арташес, в прошлом—селевкидский стратег, проявлял большую заботу о памяти своих предков. Он назвал именем своего отца Зареха пять из основанных им городов. Характерно его стремление вывести свое происхождение из предшествующей династии Оронтидов (Ервандянов), продиктованное желанием обосновать законность своей власти, а также тем обстоятельством, что будучи потомком Ервандянов, он, тем самым, являлся также потомком Ахеменидов.

При Арташесе должна была произойти канонизация именного состава предков примерно в том виде, в каком мы застаем этот состав в надписях Антиоха Коммагенского—Ахемениды, Оронтиды. Далее, по мере накопления, должны были прибавляться Арташесиды, а с приходом к власти Аршакидов состав предков должен был пополниться, во-первых, парфянскими Аршакидами, во-вторых—опять-таки по мере накопления—армянскими Аршакидами.

В заключение главы—несколько строк о социально-политической сущности изучаемого явления. Западные исследователи часто отрицают его значение как средства поддержания централизованной власти монарха²⁵. Культ правителей был следствием или симптомом власти эллинистических правите-

²⁴ Издание надписи см. С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, I, Berlin, 1910, стр. 410 слл.

²⁵ Например, М. P. Nilsson, ук. соч., стр. 179 слл.; L. Cerfaux et J. Tondriaux, ук. соч., стр. 262 и др.

лей, но не средством ее поддержания,—говорят они. Нельзя не согласиться с первой частью этого утверждения. Но ведь власть не была, раз установившись, незабываемой. Она нуждалась в постоянной опоре и поддержке, которую эллинистические монархи искали и находили в различных социальных слоях господствующего класса, привлекая, конечно, к этому делу и духовное оружие, в первую очередь—религию.

Ссылаются также на то, что часто цари были «неповинны» в учреждении их культа; инициаторами выступали города. Однако, во-первых, практика взаимоотношений между царями и городами свидетельствует о том, что во многих случаях инициатива городов была подсказана или инспирирована самими правителями, а во-вторых, ведь кроме городских, существовал еще и государственный культ правителя и его предков, который уже, никто не станет отрицать, учреждался и поддерживался самими правителями, притом—с затратой значительных средств.

Рассматривая изучаемое явление на фоне военно-политической неустойчивости эллинистических государств, на фоне не всегда видной на поверхности, но наполнявшей их существование социально-классовой борьбы, нельзя не прийти к выводу, что институт культа царской власти в лице живого правителя и его предков был носителем серьезной социальной функции—поддержки господствующего класса в деле обеспечения его господства—и разделял эту функцию с другими орудиями и средствами государственной власти.

Во **второй главе** первой части рассматриваются списки парфянских Аршакидов и дохристианских армянских царей, выступающие у Хоренаци. Эти династические списки привлекают особое внимание тем, что они дошли до нас в том же источнике, что и сведения о культе царской династии в Армении—в труде Хоренаци.

По представлениям Хоренаци, Аршакиды начали править в Армении уже со второй половины II в. до н. э., что на два века опережает дату действительного установления их власти в Армении. Однако и в таком виде списки его содержат чрезвычайно интересный и важный материал²⁶.

²⁶ Я. А. Манандян, Критический обзор, I, стр. 133 слл., 302.

Списки Хоренаци сходны, хотя и не тождественны, с соответствующими списками анонимного автора уже упоминавшейся «Начальной истории Армении», вместе с которыми и восходят к царским спискам Марабаса Мцурнского (конец IV в. н. э.)²⁷. Эта истина, с теми или иными частными различиями, принята большинством исследователей²⁸. Вероятно, вариант Анонима в целом ближе отражает облик первоисточника, однако трудно категорически утверждать, что та или другая особенность варианта Хоренаци не принадлежит первоисточнику. Поэтому мы здесь предпочитаем рассматривать оба варианта в совокупности, полагая, что взятые вместе, они лучше отражают первоисточник, чем по-отдельности.

Серьезных попыток проследить происхождение армянского списка Марабаса (=Анонима-Хоренаци) не было. Относительно парфянского списка делались вполне естественные предположения о его происхождении из персидской (А. Гутшмид), либо же из сирийской (И. Маркварт и др.) среды. Альтернативным является предположение о его происхождении из греческой исторической литературы.

В главе подробно рассмотрены все три возможности. В сасанидское время, в Иране, воспоминания о предшествующем, парфянском, периоде были весьма смутными (так называемый «аршакидский пробел»). Царский список этого периода, вошедший в «Хватай намак» и унаследованный из него арабскими и арабоязычными историками, а также Фирдоуси, необычайно беден и в очень малой степени отражает историческую действительность²⁹. Непохож он и на список Анонима-Хоренаци ни по именному составу, ни по приписанным каждому царю числам лет правления; родство между ними исключается, а следовательно—не оправдывается мнение о происхождении интересующего нас списка из иранской среды. Совпадение двух последних имен списков—Вологеза и Артабана—жиздет-

²⁷ О времени Марабаса см. Я. А. Манандян, «Начальная история Армении» Мар-Абаса, «Палестинский сборник», вып. 2 (64—65), 1956.

²⁸ И. Маркварт, Н. Адонц, А. Ташян, Ст. Малхасянц, Я. А. Манандян и другие.

²⁹ T. Nöldeke, Das iranische Nationalepos, Zweite Auflage, Berlin und Leipzig, 1920, стр. 7 слл.

ся не на родстве списков, а на том, что оба они в этом отрезке отражают историческую действительность.

В сирийской исторической литературе соответствующего периода имелись, по сравнению с иранской, значительно более дифференцированные представления об Аршакидах. Восстановленная на основе труда автора VI в. Мшиха Зеха³⁰ заключительная часть царского списка Аршакидов, включающая пять парфянских царей, хронологически и исторически весьма достоверна и подтверждается античными источниками и нумизматическими данными³¹. Сирийская историческая традиция предшествующих веков, передавшая эти представления о парфянских царях, следовательно, не может быть источником парфянского списка Анонима-Хоренаци, в котором все обстоит по иному.

В греко-римской литературе также невозможно усмотреть истоки этого списка. На основании данных нарративных источников и при существенной помощи нумизматического материала восстановлен список из более чем 30 правителей, ни количество, ни имена которых не сходятся со списком Анонима-Хоренаци. Античная хронографическая литература, итог которой предстает нам в «Хронике» Евсевия Кесарийского, также не дает точек опоры для выведения из нее нашего списка. Можно лишь проследить отдельные элементы влияния «Хроники» Евсевия на этот список, но только после того, как он уже сложился.

Исключив три возможные сферы происхождения парфянского списка Анонима-Хоренаци, нам остается заключить, что он мог возникнуть лишь на армянской почве. Тем более это относится к списку армянских царей.

Для того, чтобы проследить дальнейшие корни этих списков, важно установить, в каком именно виде они выступали у Марабаса—в виде ли простого перечня царей, как они сохранились у Анонима, или в виде связанной истории с упоминанием царей, как это мы видим у Мовсеса Хоренаци. Выяснению это-

³⁰ Mešihā-Zkha, Chronique d'Arbèle, A. Mingana, Sources syriaques, I, Mossoul, 1907.

³¹ N. Debevoise, A Political History of Parthia, Chicago, 1938, стр. 330 слл., 352 слл.

го момента служит сопоставление данных Анонима, Прокопия Кесарийского и самого Хоренаци—трех авторов, пользовавшихся трудом Марабаса. Аноним утверждает³², что он взял свои списки из труда Марабаса, который в свою очередь списал их с надписи на стеле, составленной в свое время неким Агафангелом, секретарем царя Трдата (Трдата III—конец III—начало IV в.), с указанием «годов и дней» царей. Оставляя в стороне сложный вопрос об Агафангеле (в литературе чаще называемом Псевдо-Агафангелом), из слов Анонима о том, что у Марабаса он застал «копию» надписи, списанную со стелы, можно заключить, что «копия» эта (независимо от того, существовала ли сама стела, или Марабас просто представил свой список в виде «копии» для пущей важности) могла содержать лишь столько, сколько способна содержать одна стела. Следовательно, у Марабаса были представлены не более, чем перечни царей с указанием количества лет правления каждого из них.

Данные Прокопия, воспроизведшего эти списки суммарно, не упоминая имен и отдельных цифр, а лишь приведя итоговое число лет³³, не противоречат такому заключению.

В данных Мовсеса Хоренаци на первый взгляд удивляет тот факт, что он отмежевывает Марабаса от тех списков, которые, судя по словам Анонима, содержались в книге Марабаса, правда, в виде «копии» со стелы Агафангела. Нет у Хоренаци ни слова также об этом Агафангеле. По-видимому упомянутое размежевание было произведено на основе сообщения о том, что списки принадлежат не Марабасу, а Агафангелу. Хоренаци истолковал это сообщение по-своему, приурочив время жизни Марабаса к началу списка армянских царей. Таким образом, сделанный на основании данных Анонима вывод о том, что у Марабаса имелся лишь список царей, но не их история, не находит своего отрицания и в данных Хоренаци. Возникает, однако, проблема, откуда брал Хоренаци историю этих царей. Ее мы коснемся в следующей главе.

³² История епископа Себеоса, Ереван, 1939, стр. 1 сл.

³³ Proc. Caes, De aedificiis, III, 1.

Далее в главе разбирается именной состав списков в аспекте происхождения отдельных имен, времени их проникновения в армянскую среду, положения, занимаемого ими в списках, всего того, что может снабдить нас данными о происхождении самих списков.

Парфянский список состоит из следующих имен: Аршак (повторяется трижды, и еще раз—в форме Аршакан-«Аршакид»), Арташес, Аршанак (у Анонима—Ашнаш), Аршез (у анонима—Аршен), Аршавир, Дарех, Пероз, Валарш, Артаван. Анализ этих имен показывает, что состав списка не однороден. Здесь встречается группа имен, которая выделяется не только тем, что чужда ономастике исторических парфянских царей, но и тем, что содержит имена Ахеменидов. Эта группа включает имена Арташес (Артаксеркс), Дарех (Дарий), Аршавир (которое в армянской среде, судя по всему, заменяло имя Ксеркс), Аршез (Арсес—Оарс?)³⁴. Этими четырьмя именами, кстати, исчерпывается ономастика дариевой ветви Ахеменидской династии. Сами формы имен, по крайней мере—двух из них (Арташес и Дарех)³⁵, свидетельствуют о том, что они проникли в армянскую среду в допарфянский период и, следовательно, проникли в качестве имен Ахеменидских царей.

Аналогичный анализ имен армянского списка (Валаршак, Аршак, Арташес, Тигран, Артавазд, Артаван³⁶, Аршавир³⁶, Аршам, Абгар, Санатрук, Ерванд, Тиран, Валарш, Хосров) показывает, что он по разнородности даже превосходит парфянский список. Прежде всего из него выпадают, как не-аршакидские, имена Арташес, Тигран, Артавазд, которые явно относятся к предшествующей династии—к Арташесидам. Более того, цари Арташесиды носили только три этих имени. Далее, как не-аршакидское, выделяется имя Ерванд, наиболее характерное имя доарташесидской династии, правившей в Армении, по

³⁴ Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, I, Ереван, 1942, стр. 298.

³⁵ И. М. Дьяконов, К. Б. Старкова, ук. соч., «Вестник древней истории», 1955, № 2, стр. 169 слл.; А. Г. Периханян, Арамейская надпись из Зангезура, «Историко-филологический журнал», 1965, № 4, стр. 118 слл.

³⁶ Эти имена—только у Анонима.

которому и сама династия получила название Ервандян (Оронтидов). Характерно для этой династии также имя Аршам; оно было принято и в Софенском доме (ветвь Оронтидов?), в котором были употребительны и имена Ксеркс (= Аршавир нашего списка?) и Артаван³⁷.

Таким образом, разобранные в главе два царских списка, в завуалированном под названием парфянских и армянских Аршакидов виде, сохранили целый ряд древних царских списков: Ахеменидский, парфянский-Аршакидский, Оронтидский, Арташесидский, армянский-Аршакидский, и, возможно, софенский.

Сохранение всех этих, особенно же неармянских, списков на армянской почве мы связываем с существованием в древней Армении института культа царской династии и ее предшественников. Перед нами списки тех же династий, о бытовании культа которых в древней Армении мы пришли к выводу в предыдущей главе исследования.

Однако перед нами лишь два звена из цепи развития этих царских списков—начальное—культ династии, и конечное—сами списки в весьма обработанном виде. Посредующие звенья на почве Армении пока отсутствуют, но их можно восстановить при помощи косвенных данных. Опорой нам могут послужить близкие к армянским (судя по описанию самого Хоренаци)—коммагенские святилища, в частности—святилище на Немруд-даге. Здесь каждому из Ахеменидов, Селевкидов и Оронтидов, включенных в состав предков, были поставлены стелы с соответствующим изображением и надписью, упоминавшей имя предка. Несомненно, что в святилище должны были существовать и сводные списки этих предков, хотя бы в практических целях, скажем, для фиксации календарных дней, рода и количества жертвоприношений тем или иным предкам, либо той или иной их группе, совершавшихся на алтарях, которые и поныне стоят перед каждой стелой, а также для фиксации имен жрецов, обслуживавших культ тех или иных (или же групп) предков. С записью последнего типа мы знакомы

³⁷ G. Le Rider, ук. соч., стр. 21.

из селевкидской практики; примеры таких записей приведены выше, в первой главе.

Записи этого рода, сделанные на пергаменте, должны были скапливаться также в архивах соответствующих армянских святилищ, и поскольку культ династии в том или другом виде продержался до кануна принятия христианства в Армении, то и записи эти в храмовых архивах должны были сохраниться до этого же времени. Опасность их уничтожения возникла при установлении христианства как государственной религии, в начале IV в., когда, по красноречивому описанию Агафангела, многое, связанное с языческой религией, погибло. Однако же, как показывает ряд фактов (сохранение храма в Гарни, пример святилища в Ани области Даранали и др.), погибло не все.

Из этих-то архивов царские списки вошли в раннесредневековую армянскую литературу. Чрезвычайную важность представляет вопрос о языке упомянутых записей. Можно делать предположения о трех возможных языках—греческом, арамейском, армянском. Форма имен, дошедших до нас в списках, в особенности чисто-армянское оформление неармянских имен, побуждает выбрать из перечисленных языков скорее армянский; однако по-видимому свою роль в области династических культов в Армении сыграл и греческий язык, возможно и арамейский. Вопрос пока остается открытым.

Так или иначе, но материал храмовых архивов попал в армянскую историческую литературу IV—V вв. Здесь, однако, он подвергся существенной обработке. Факторами ее были дополнительные материалы, а также «панаршакидская» концепция лиц, проводивших обработку. Дополнительным материалом послужил, например, армянский вариант (сирийского) сказания о царе Абгаре, современнике Иисуса Христа, находившемся с ним в переписке, в котором Абгар был арменизован. Отсюда он попал в список армянских царей. Возможно, что из сказаний об Ардашире Бабакане, бытовавших также в Армении³⁸, были взяты имена последних двух парфянских ца-

³⁸ К. Мелик-Оганджанян, Фирдоуси и иранские эпические мотивы в «Шах-намэ» и в армянской литературе, «Фирдоуси» (сборник, посвященный 1000-летию со дня рождения поэта), Ереван, 1934, стр. 24 (на арм. яз.).

рей—Валарша и Артавана (Вологеза и Артабана). Исключив также эти имена из списка парфянских царей Анонима-Хоренаци, мы получим в остатке фактически лишь перечень ряда Аршаков, т. е. картину, которой следовало бы ожидать, имея в виду, что все парфянские цари, наряду с личными именами, носили также имя-титул Аршак, и весьма часто (например, на монетах) выступали с одним только этим именем. В источнике нашего списка Аршаки, вероятно, имели опознавательные знаки (количество лет правления?).

Окончательное формирование наших списков следует датировать временем, возможно более близким к V в., когда в армянской исторической литературе безраздельно господствовала «панаршакидская» концепция, согласно которой после (легендарной) династии Хайкидов, в Армении не правили иные династии, кроме Аршакидов. Обработка всех упомянутых выше материалов в свете этой концепции и привела к объединению всех известных царей под маркой Аршакидов.

В качестве возможного составителя наших списков выступает сам Марабас Мцурнский, знаток армянского, сирийского и греческого языков. Однако столь же вероятно, что Марабас получил уже готовые списки, либо, возможно, их недоработанный вариант, и привел их в окончательный вид.

В главе третьей первой части, наиболее обширной главе диссертации, рассматривается еще один из тех каналов, по которым информация об истории Армении эллинистического периода поступала к Мовсесу Хоренаци, в частности, источник, снабдивший его данными о времени становления государства Великая Армения и о главном деятеле этого периода — об Арташесе I (189—ок. 160 гг. до н. э.).

Соответствующий отрывок «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, включающий главы 37—60 ее второй книги, имеет необычайно сложную источниковедческую структуру, он, как увидим, изложен на основе многочисленных и разнородных источников. Дополнительную трудность изучения этого раздела составляет то обстоятельство, что в хронологической системе Хоренаци он смещен относительно своего места лет на триста и занимает конец I—начало II вв. н. э. Тем не менее, исследователи, особенно Я. А. Манандян, исходя из большого

сходства сообщений Хоренаци с данными параллельных источников, настаивают, что отрывок этот, несмотря на хронологическую смещенность, действительно относится ко времени Арташеса I³⁹.

Перед нами стояла задача выделить последствия указанного смещения, а также результаты воздействия всех вспомогательных источников Хоренаци, с тем, чтобы по возможности отчетливо выявить основной источник в его первоначальном объеме, содержании и направленности, что в свою очередь дало бы возможность судить также о времени и авторе этого источника.

В направлении выделения данных народных сказаний многое сделано М. Абегианом⁴⁰, однако, поскольку его в данном случае интересовал лишь этот фольклорный материал, а нас, напротив, то, что остается по его выделению, то пришлось в определенной степени эту работу провести заново, опираясь, безусловно, на исследование М. Абегиана.

Примерно в середине изучаемого раздела, в заключение главы 48, Хоренаци дает следующую ссылку: «Об этом достоверно повествует нам Олюмп (Олимпий), жрец из Ани, создатель храмовых историй, как и о многочисленных, имеющих быть рассказанными впереди, деяниях, которые подтверждаются также персидскими книгами и армянскими песнями випасанов (рапсодов)». Действительно, вслед за этим, в начале следующей, 49 главы, Хоренаци напоминает своему меценату в конспективной форме содержание народных преданий об Арташесе. Эти предания, хотя герой их и именуется Арташесом, как показано давно, на деле относятся к историческому основателю династии Аршакидов в Армении—Трдату I, правившему в 66—ок. 85 гг. н. э.⁴¹.

Далее, в течение следующих глав, Хоренаци реализует этот «конспект» в пространном изложении народных сказаний. Здесь передача собственными словами перемежается с дословными выдержками из сказаний. Отмечено, что там где идет

³⁹ Я. А. Манандян, Критический обзор, I, стр. 124 слл.

⁴⁰ М. Абегиан, Армянские народные легенды, стр. 283 слл.

⁴¹ А. М. Гарагашян, Критическая история Армении, II, Тифлис, 1895 (на арм. яз.), стр. 242.

собственное изложение Хоренаци, он в ряде случаев допускает отклонения от сказания об Арташесе, частью весьма существенные. Сопоставление «конспекта» и дословных выдержек с вольным изложением Хоренаци позволяет выделить ряд таких отклонений, из коих отметим рассказ о заселении новооснованного города Арташата путем сселения части жителей других городов, т. е. путем синойкизма, весьма распространенного способа создания новых городов в эллинистическом мире. Далее, к числу отклонений относится сообщение о создании в новооснованном Арташате святилища, посвященного культу царских предков, о чем выше уже говорилось. Следует отметить также сведения о сыновьях Арташеса, сходные с данными других источников, о разделе армянского войска на четыре воеводства—по странам света, данные об Аргаме—крупном политическом деятеле и т. д.

Изучение этих отклонений показывает, что они в целом направлены в сторону приближения не только к исторической действительности, но и к конкретным событиям и явлениям периода правления Арташеса I. Отсюда становится ясным, что в этих случаях Мовсесом Хоренаци руководил доброкачественный источник.

Далее глава за главой рассматриваются данные, уже переплетенные с народными сказаниями, а выступающие самостоятельно. Очень интересна глава 53, привлекающая внимание концентрацией таких сведений, параллели коих также сконцентрированы в одном из отрывков Страбона⁴². Здесь подробно повествуется о походе Арташеса на восток, в сторону «страны касбов», о захвате там пленных и т. д. В литературе эти сведения уже отождествлялись с данными Страбона об экспансии Арташеса на восток и о захвате у мидян, наряду с двумя другими областями, области Каспианы⁴³. В том же отрывке Страбон сообщает о захвате Арташесом ряда областей на севере—у иберов, на востоке—у халибов и моссинойков, на юге—у сирийцев. Большинство этих данных находит свой отклик в этой же главе Мовсеса Хоренаци. В частности, здесь

⁴² Strab., XI, 14, 5.

⁴³ Г. Тирацян, ук. соч., «Банбер Матенадаран», № 6, 1962, стр. 17 слл.

повествуется и о северных походах, о столкновениях с иберийцами. Об этих же походах Арташеса гораздо подробнее повествует грузинский источник «Картлис цховреба», который в этом разделе очень близко стоит к Мовсесу Хоренаци. В качестве арены борьбы грузинский источник упоминает области Джавахети (арм. Джавахк) и Триалети (арм. Трехк), входившие в страну Гугарк, о присоединении которой (Гогарена) Арташесом рассказывает Страбон в указанном отрывке.

Своеобразное отражение получило в этой главе продвижение Арташеса на юг, которое у Страбона охарактеризовано как отторжение у сирийцев области Таморитис. Хоренаци рассказывает о прибытии в область Тморик (=Таморитис) «близ Ассирии» царского «венцналагателя» Смбата, который был назначен военачальником южных армянских войск. Это событие, по-видимому, последовало за присоединением области Тморик.

Далее разбираются те места повествования Хоренаци, которые связаны с «венцналагателем» Смбатом, и показывает, что роль его сильно преувеличена Хоренаци, настолько, что он иногда затмевает самого Арташеса. Причина в том, что Смбат у Хоренаци выступает как представитель рода Багратидов, к которому принадлежал и меценат Хоренаци, и к которому наш автор вообще чрезвычайно привержен. Однако сама должность «венцналагателя», как и личность, исправлявшая эту должность при Арташесе, вполне историчны, о чем свидетельствует недавно найденная в Зангезуре арамейская надпись этого царя. В ней, в качестве подписи, фигурирует: «Арташес, царь, Ервандакан, Благой, сын Зарехра, и Некфарр, венцналагатель, сын Ахшахрсарта»⁴⁴. Таким образом, исторического Некфарра роднят с Смбатом его титул и степень приближенности к царю, и разделяет всего лишь имя. По-видимому, в источнике Хоренаци «венцналагатель» был назван без имени, а имя Смбат Хоренаци дал ему сам, исходя из того, что это имя было обычным в роде Багратидов, потомственных венцналагателей армянских царей.

Все эти случаи систематического сходства данных Хоренаци об Арташесе I с данными об этом же царе таких перво-

⁴⁴ А. Г. Периханян, ук. соч., «Ист.-фил. журнал», 1965, № 4, стр. 108.

классных источников, как Страбон и эпиграфические памятники, позволяют реально нащупать достоверный письменный источник Мовсеса Хоренаци, который им самим обозначен как «храмовая история» жреца Олимпия (Олюмпа).

Далее разбираются причины упоминавшегося уже смещения истории об Арташесе I со своего исторического места — первой половины II в. до н. э., к концу I — началу II вв. н. э. Последствия такого смещения характеризуются нами как «продукт хронологической системы» Хоренаци. Так мы называем явление, нередкое у Хоренаци, когда какое либо историческое лицо или событие ошибочно, либо по недоразумению, попадает в чуждую ему хронологическую обстановку, «акклиматизируется» там, обрастая искусственными связями с подлинными деятелями и событиями этого периода. Перед нами типичный пример: царь Арташес увязан с императорами Домицианом (81—96 гг.), Нервой (96—98 гг.), Траяном (98—117 гг.), Адрианом (117—138 гг.), а его исторический предшественник Ерванд, правивший, по Страбону, на грани III—II вв. до н. э., и попавший вместе с Арташесом в новую хронологическую среду, увязан с императорами Веспасианом (69—79 гг.) и Титом (79—81 гг.).

Я. А. Манандян полагал причиной этого смещения то, что упомянутый Ерванд был ошибочно отождествлен с осроенским царевичем Арбандом, современником Траяна⁴⁵. С этим трудно согласиться, ибо в таком случае Ерванд у Хоренаци стал бы современником Траяна, чего нет; и вообще дело не в Ерване, который у Хоренаци по сравнению с Арташесом играет второстепенную роль. Подлинная причина, как подробно объясняется в главе, в отождествлении Мовсесом Хоренаци Арташеса I своего источника с царем Арташесом народных сказаний, под которым в действительности скрывается Грдат I.

Далее в главе разбирается сообщение Хоренаци о межевых камнях, поставленных по стране по приказу царя Арташеса. Г. Халатянц считал эти сообщения лишены какой

⁴⁵ Я. А. Манандян, Критический обзор, I, стр. 196.

либо исторической ценности⁴⁶. Однако в дальнейшем было найдено несколько экземпляров таких камней, снабженных арамейскими надписями с именем Арташеса и упоминанием «земельных участков», что полностью подтвердило достоверность сообщения Хоренаци. В настоящей работе это сообщение рассмотрено в новом аспекте. Дело в том, что весьма подробное описание камней, данное Хоренаци, существенно расходится с внешним видом найденных экземпляров. Наиболее важное отличие в том, что Хоренаци не упоминает о сделанных на них надписях. Это обстоятельство имеет решающее значение, если учесть необычайный интерес Хоренаци ко всяким надписям, как доступным ему по письму для чтения, так и недоступным⁴⁷. Кроме того, по Хоренаци, камни были в сечении квадратными, в то время как в действительности они плоские. Все это свидетельствует о том, что Хоренаци не видел их собственными глазами, что не покажется удивительным, если вспомнить, что со времени установления камней до времени его жизни прошло около семи столетий, в течение которых эти небольшие и нетяжелые стелы едва ли могли сохраниться в местах, где они первоначально были расставлены. В настоящее время их находят в кладках стен и т. п.

Откуда же знал Хоренаци, что камни эти принадлежат Арташесу? Из надписей, сделанных арамейским письмом, к тому же семивековой давности, он не мог бы узнать этого, если бы даже увидел их. Остается думать, что он прочел о них в своем основном источнике по истории Арташеса I.

Это обстоятельство обращает наше внимание также на те сведения, которые сообщает Хоренаци в связи с межевыми камнями. Причину установления последних он объясняет так: «(Арташес) приказал размежевать земли и агараки, ибо он увеличил население земли армянской, введя в нее многие чужие народы и поселив их в горах, долинах и равнинах». «Сказано, — продолжает он, описав межевые камни, — что во времена Арташеса в армянской стране не было лежавшей втуне земли — ни в горах, ни на равнинах, так обстроилась страна» (II,

⁴⁶ Г. Халатянц, Армянский эпос, стр. 278.

⁴⁷ Хоренаци, I, 16; II, 77 и др.

56). Эти краткие сообщения лишь на первый взгляд могут показаться общими местами, коими можно охарактеризовать упорядочение любой страны в любую эпоху, со стороны любого правителя. На деле же они содержат огромный конкретно-исторический смысл⁴⁸.

Из данных античных авторов известно, что внук Арташеса I—Тигран II (95—56 гг. до н. э.) переселил в Армению сотни тысяч жителей завоеванных им стран—Киликии, Каппадокии, Палестины, Сирии, Гордиены, Адиабены⁴⁹. Переселение, правда, значительно меньшего масштаба, было совершено и при сыне Тиграна—Артавазде II. Эти переселения принадлежали к числу важнейших факторов развития рабовладельческой экономики Армении эллинистического периода. Страбон сообщает о завоеваниях Арташеса в восточном, северном, западном и южном направлениях. Естественно было бы ожидать, что во время этих завоеваний также производились переселения. И вот Хоренаци прямо сообщает об этих переселениях, и даже, в других главах, описывает конкретные примеры (II, 52, 53).

Далее. В более раннюю эпоху, при отсутствии или слабом развитии частновладельческих хозяйств, возделывалась далеко не вся пригодная для обработки земля, ибо это дело было ограничено крайне медленным — лишь естественным—ростом массы производителей материальных благ — крестьян-общинников. С развитием, а далее—с расцветом частного рабовладельческого хозяйства (дастакерт-агарак), положение в корне изменилось, ибо умножение непосредственных производителей стало осуществляться также за счет приобретения рабов из внешних и внутренних источников. Тогда то и стали осваиваться лежавшие втуне земли⁵⁰ и уже во времена Арташеса должно было создаться положение, близко напоминающее то, которое описывает Мовсес Хоренаци.

⁴⁸ См. Г. Х. Саркисян, О путях социально-экономического развития древней Армении, Ереван, 1962 (на арм. аз.), стр. 30 слл.

⁴⁹ App., Mithr., 67; Strab., XI, 14, 15; Plut., Luc., 26; Фавстос, IV, 55.

⁵⁰ С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 79.

Наконец, о размежевании деревень (сельских общин) и агарак (частновладельческой земли). Развитие частной собственности на землю и обработки ее при помощи рабских рук, приведшее к освоению целинных земель, породило далее стремление частных владельцев присвоить также часть общинной земли, чего община никак не могла допустить. Разгоревшейся борьбе должна была положить предел земельная реформа, направленная как на узаконение приобретений ново-явленной служилой знати—основной опоры царя, так и, однако, на стабилизацию сельской общины—основной податной единицы, поставлявшей, к тому же, главную часть пехоты.

Не будь этого сообщения Хоренаци, на основании только межевых камней и упоминания в их надписях Арташеса и «земельных участков» мы могли бы лишь гадать о сущности земельной реформы, связанной с ними. Вывод о знакомстве Мовсеса Хоренаци с межевыми камнями именно по описанию его источника приводит к заключению, что и связанные с ними остальные сведения являются, по-видимому, не догадками Хоренаци, а сообщениями того же источника, что неизмеримо повышает их историческую ценность, как подлинного описания предпосылок, побудительных причин и осуществления земельной реформы Арташесом I.

Следующие три главы (57—59), приводящие к окончанию истории Арташеса, не представляют столь большого интереса. Последняя из них примыкает по своему содержанию к главе о земельной реформе, повествуя об иных нововведениях. Возможно, что она также содержит достоверные данные. Глава о смерти Арташеса (60) выходит за пределы нашего разбора, ибо по сообщению самого Хоренаци и по своему содержанию она относится к иному источнику.

Дойдя до конца повествования об Арташесе, мы возвращаемся к его началу. Содержание этой части— с начала (глава 37) вплоть до места упоминания жреца Олимпия и его «Храмовой истории» (конец главы 48)—это борьба Арташеса со своим противником Ервандом, победа Арташеса и его воцарение. Ерванда Хоренаци рисует как узурпатора, принадлежавшего к правящей (естественно—Аршакидской) династии лишь по матери, да и то—незаконнорожденного. Арташес же

выступает как законный наследник, сын предшествующего царя.

Об этих событиях имеется также сообщение Страбона. Он пишет о последнем Оронте (=Ерванд), царе Армении, потомке Гидарна, одного из семи персов, смещенном на престоле Артаксием, который первоначально являлся стратегом Антиоха III. Арташес и Оронтиды (Ервандяны) сопоставлены также в арамейских надписях Арташеса, где тот именует себя «Ервандакан» («Оронтид»). Эти несколько разноречивые данные можно примирить, если сделать вывод, что Арташес, по-видимому, принадлежал к роду Ервандянов со стороны своей матери.

Более существенным является расхождение между данными Страбона и Хоренаци: если у первого, в согласии с другими источниками, законный царь — Ерванд, Арташес же — претендент, то у второго Арташес — законный наследник, а Ерванд, как было сказано, — узурпатор.

Понять причину этого отклонения отчасти помогает сам Хоренаци. В связи с детством Арташеса он передает одно из тех сказаний, которые свивались в древности вокруг крупных исторических лиц, преимущественно основателей династий, государств и т. п. Этот тип сказаний преследует цель показать, что герой действительно был рожден с великой миссией, что провидение с самого начала пеклось о нем, спасая от подстерегавших его опасностей и, в конце концов, приводило к цели.

В качестве образцов мы приводим три таких сказания, из различных исторических сред и эпох: о Саргоне Аккадском, о Ромуле и о Кире. Жизни младенца Арташеса также, как положено в этого рода сказаниях, грозила опасность от царя, видевшего в нем угрозу своей власти. Он также спасся, попав к простым людям — пастухам, земледельцам, был вскормлен ими и, наконец, при помощи соседнего царя, победил Ерванда и завладел престолом.

Судя по всему, это предание также взято Мовсесом Хоренаци из своего основного письменного источника. В этом последнем «бродячий» сюжет о детских годах великого деятеля выступал явно в проарташесидской и антиоронтидской окраске. В этом тенденциозном подходе естественнее всего усмотреть отражение официальной точки зрения Арташесидов на

свое происхождение, в которой основатель династии превратился в восстановителя власти прежних армянских царей, а его противник Ерванд — в узурпатора. Окончательное оформление и переход этой точки зрения из устной сферы в письменную трудно датировать с достаточной точностью, однако несомненно, что начало ей было положено самим Арташесом, объявившим себя без всяких оговорок «Ервандаканом».

Хоренаци посвящает несколько глав строительной деятельности Ерванда. В целом эти главы заметно противоречат образу узурпатора, озабоченного лишь тем, чтобы удержаться на престоле, который рисует письменный источник Хоренаци. Да и главы эти не содержат таких черт, которые настоятельно требовали бы выводить их из древнего письменного источника. Так, например, описание города Ервандашата Хоренаци вполне мог вынести, во-первых, из обозрения развалин города, которые и сейчас достаточно выразительны, во-вторых, из этиологической легенды основания города, которая неизбежно должна была быть связана с именем царя Ерванда, поскольку оно содержится в названии города.

Примерно так же обстоит дело с Ервандакертом, дастакертом (виллой), рассказ о котором, вопреки его некоторой вычурности, явно свидетельствует о том, что Хоренаци описал то, что видел собственными глазами. Причины приурочения к Ерванду основания храмового города Багарана и насаждения рощи Циндоц нам неизвестны, однако несомненно они существовали (иное дело, показались ли бы они нам достаточно вескими).

К следующим главам, посвященным военным столкновениям Арташеса и Ерванда и исходу борьбы, в свете предыдущего у нас нет оснований относиться скептически, тем более, что самый конфликт между Арташесом и Ервандом ясно намечен в известном сообщении Страбона. Несомненно, что и здесь многое восходит к «Храмовой истории» Олимпия, в частности — данные об Аргаме (Аршаме?), из лагеря Ерванда перешедшем на сторону претендента и высоко вознесенном им, но затем погибшем в результате дворцовых интриг и многое другое.

Вместе с тем, в этих главах ясно проглядывает факт использования Мовсесом Хоренаци и других, вспомогательных, средств, в том числе и такого, как привлечение стилистического материала чуждых по содержанию произведений к описанию излагаемых событий, а также такого источника, как этимология (понятно—народная) имен собственных—топонимов, личных и родовых имен, этнонимов.

В исследовании разбирается целый ряд таких попыток этимологизирования, на результатах которых Хоренаци строил свои, подчас ответственные, выводы исторического характера, восстанвливал исторические эпизоды. К числу их относится этимология родового имени Мурацеан, возводимого Хоренаци к этнониму мар (=мидянин), который имел также значение «змея»; родовых имен Димаксеан, Камсаракан, Амадуни, давших нашему автору возможность воссоздать эпизоды из истории этих нахарарских родов; топонима Ервандаван, на основе которого Хоренаци локализовал место сражения между Ервандом и Арташесом; наконец, топонимов Марац-марг и Мармет, давших основу для вплетения в историю Арташеса мидийских (=марских) мотивов.

На этом кончается разбор повествования Хоренаци об Арташесе. Он приводит к выводу, что, во-первых, в основе этого повествования лежит достаточно древний и достоверный письменный источник об Арташесе I, царе Великой Армении и что, во-вторых, наряду с этим источником Хоренаци использовал целый ряд дополнительных источников, а кроме того, обработал материал в духе своей «панаршакидской» историко-хронологической концепции.

В чем результат этой обработки? Античные авторы (Полибий, Страбон), а также местные эпиграфические источники свидетельствуют о том что в лице Арташеса I армянский народ выдвинул крупнейшего государственного и военного деятеля, внесшего огромный вклад в дело развития армянской государственности. В этом смысле повествование Хоренаци несколько разочаровывает. Мы не видим здесь ни очень значительных нововведений, ни богатых результатами военных предприятий. Причина в том, что Арташес в историко-хронологической концепции Хоренаци оторван от своего времени —

периода становления армянской государственности—и посажен в чуждый для него период, когда давно уже сложившееся государство переживало отнюдь не дни своей славы, а даже временно было объявлено римской провинцией; Арташесу тут нечего делать. Согласно той же «панаршакидской» концепции, создание государства Великая Армения и его упорядочение было делом рук Валаршака, по Хоренаци—первого армянского Аршакида, помещенного им века на два ранее действительного установления власти этой династии в Армении. Грубо говоря, Арташес и Валаршак поменялись местами, и это очень обеднило образ Арташеса у Хоренаци.

И тем не менее, ряд данных его повествования позволяет судить о том, что в его источнике Арташес выглядел иным.

Многое в истории Арташеса завуалировано также влиянием вспомогательных источников Хоренаци — народных сказаний, преданий о происхождении и истории нахарарских родов, влиянием виденного им воочию, народной этимологией собственных имен и т. п. Если отбросить все это, а также убрать «продукт хронологической системы», т. е. результат смещения Арташеса во времени, что мы и сделали в настоящей главе, получается картина, настолько родственная совокупности тех данных, которые хотя и скупо, но все же сообщают нам параллельные доброкачественные источники, что не остается сомнений в наличии у Хоренаци древнего и достоверного источника, содержавшего цельное повествование об Арташесе I, о его происхождении, детских годах, воцарении, внутренних и внешних, в том числе—военных, предприятиях.

Краткий пересказ Страбона истории Армении эллинистического периода, с указанием, что он упоминает лишь «о главном», его же более пространное изложение одного из эпизодов этой истории—рассказ о завоеваниях Артаксия (и Зариадра), а также разрозненные данные Полибия, Диодора и Аппиана об Арташесе, дополняющие друг друга, свидетельствуют, что в древности существовал труд, излагавший историю Арташеса⁵¹. Ближе об этом труде мы ничего не знаем. Воз-

⁵¹ Об этом же свидетельствуют новые материалы античной историографии, публикуемые нами в приложении к первой части настоящей работы.

можно, что Метродор Скепсиец, написавший историю Тиграна II, предварил ее историей Арташеса, как основателя династии, к которой принадлежал Тигран; возможно, что «история», написанная, согласно сообщению Плутарха, Артаваздом II, была историей его династии. Все это предположения, однако, они достаточно четко указывают на наличие в Армении, скажем, в I в. до н. э., местной историографии, хотя бы в отдельных случаях с участием греков. Она то и питала Страбона и, в конце концов, также жреца Олимпия.

Однако, если истоки истории Арташеса пока что вырисовываются весьма туманно, то совершенно реальным и отчетливым представляется их порождение—«Храмовая история» жреца Олимпия из Ани, переданная в труде Мовсеса Хоренаци. Эта история становится фактом дохристианской армянской историографии, и в качестве такового должна занять подобающее ей место в истории армянской литературы, хотя и о языке ее оригинала пока можно говорить лишь предположительно.

По данным Мовсеса Хоренаци, таким образом, армянская историография определенного периода развивалась в храмовой, жреческой среде. Этот факт достоин самого пристального внимания, если иметь в виду колоссальную роль храмов и жречества в древней Передней Азии в деле развития науки и литературы. Известен вклад вавилонских жрецов, в частности—эллинистического периода, в области математики и астрономии. Излишне напоминать об историях, написанных жрецом храма Мардука в Вавилоне Бероссом и гелиопольским жрецом Манефоном. Оба они, кстати, известны Мовсесу Хоренаци.

Об армянских храмах, в частности—храмах, посвященных богине Анахит, и жречестве рассказывает Страбон⁵². Его сведения дополняются данными раннесредневековой армянской историографии, сообщающими о храмах Арамазда, Вахагна, Тира, Нанэ, Михра и других богов. К сожалению, эти единичные сведения, еле-еле дошедшие до нас сквозь фильтр победившего христианства, пока почти не оживлены материальными данными, ибо ни один из упомянутых храмов пока

⁵² Strab., XI, 15, 16.

не раскопан. Между тем эти храмы жили полнокровной жизнью, о которой, как и о значении их и роли в жизни армянского общества, могут дать приблизительное представление жизнь и деятельность армянского раннехристианского духовенства, заменившего жречество.

Согласно указанию Хоренаци, «Храмовая история» была создана в храме Зевса-Арамазда в Ани, в области Даранали. К счастью, имеется некоторая возможность проследить историю этого храма, начиная с I в. н. э. Здесь, как уже было сказано выше, находилась усыпальница Аршакидов. Фавстос Бузанд сообщает о погребении здесь царя Санатрука—второго Аршакида (конец I—начало II вв. н. э.). Агафангел сообщает о разрушении храма во время утверждения христианства в Армении в качестве официальной религии в начале IV в., при Трдате III. Однако это сообщение не следует понимать буквально, поскольку тот же Фавстос сообщает о погребении в Ани также сына Трдата III—царя Хосрова (330—338 гг.). Это говорит не только о сохранении храма, но и об удержании им, в новых условиях, прежних функций усыпальницы династии. Следовательно здесь действительно имелись условия для сохранения храмового архива, в котором затем и могли быть обнаружены различные материалы типа царских списков, о которых речь шла выше, во второй главе, а также наша «Храмовая история».

В приложении к первой части диссертации приведены и исследованы новые материалы об Арташесе I, обнаруженные автором настоящей работы в трудах одного из выдающихся отцов христианской церкви—Иеронима (вторая половина IV—начало V вв.). Материалы существенно пополняют наши сведения о войне Антиоха IV Эпифана с Арташесом I.

Вторая часть диссертации озаглавлена: **Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.**

Глава первая второй части посвящена восстановлению хронологической таблицы Хоренаци.

«Без хронологии нет достоверной истории»,— пишет Мовсес Хоренаци в объяснение своему ревностному отношению к разысканию точных дат. Эта мысль несомненно руководила им при создании «Истории Армении», результатом чего и яв-

ляется та крепкая хронологическая сетка, которая охватывает ее вторую и третью книги. В «Истории Армении» нет хронологической таблицы, подобной таблице Евсевия Кесарийского; хронологические указания вплетены здесь в ткань повествования. Однако систематичность и полнота этих указаний не оставляют сомнений, что они взяты из предварительно составленной таблицы.

Хронологическая таблица Хоренаци синхронна. Она состоит из четырех параллельных взаимосвязанных хронологических линий—селевкидо-парфяно-сасанидской, римской, армянской, а также линии армянских католикосов. Наиболее ранняя дата таблицы—год воцарения Селевка I Никатора (311 г. до н. э.)⁵³, наиболее поздняя—год воцарения Сасанида Иездигерда II (439 г. н. э.).

Восстановление этой таблицы на основании данных Хоренаци ввиду их исчерпывающего характера не представляет значительных трудностей. Хронологические указания его можно разбить на четыре группы. Первая—это указания на количество лет правления того или иного царя или католикоса. Вторая—указания, синхронизирующие годы воцарения правителей одной страны с годами правителей другой страны. Третья—итоговые числа, характеризующие длительность данного хронологического отрезка. Наконец, четвертая—описательные указания, приурочивающие то или иное историческое лицо к датированному указанием первой и второй группы правлению.

Некоторой помехой при восстановлении таблицы являются лишь отдельные небольшие расхождения в абсолютных и синхронизирующих цифровых данных, в основном—результат многократной переписки текста. Однако перекрестные данные самого Хоренаци, разночтения текста, как и данные его источников и его последователей разрешают внести необходимые небольшие, к тому же большей частью уравнивающие друг друга коррективы, каждому из которых в развернутом

⁵³ Селевкидская эра начинается с месяца дия (октябрь) 312 г. до н. э., следовательно основная часть первого года (9 месяцев) падает на 311 г. до н. э., поэтому удобнее сделать основной отсчета 311 год, не забывая, конечно, о его условности.

комментарии к таблице дано подробное обоснование. Здесь же ведется полемика с неправомерными, с нашей точки зрения, исправлениями цифровых данных Хоренаци, предложенными другими исследователями.

Глава вторая второй части посвящена разбору парфяно-персидской и римской хронологических линий. Таблица охватывает исторический период в 750 лет. Однако у Хоренаци этот отрезок равняется 736 годам, т. е. он меньше исторического времени. В этом—одно из двух главных отклонений его хронологической таблицы. Второе отклонение—наиболее важное—это значительный анахронизм в сопоставлении римской и персидской истории, выраженный в том, что римские события, как правило, идут у Хоренаци раньше своего времени на десятки лет. Так, например, император Диоклетиан (284—305) выступает в конце царствования Ардашира I (226—241). Имеются и некоторые другие отклонения от достоверной хронологии, однако в целом хронология Хоренаци поражает внутренней стройностью и законченностью.

Задачей настоящего исследования является раскрытие ее особенностей, а также выяснение характера и причин отклонений, с конечной целью—сделать хронологические данные Мовсеса Хоренаци полноценным историческим источником. Для этого следует рассмотреть его хронологическую таблицу систематически—ряд за рядом.

Давно и с основанием была отмечена связь между хронологическими системами «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и «Начальной истории» Анонима. Это сходство одними толковалось как результат зависимости Мовсеса Хоренаци от Анонима, другими, наоборот, как следствие заимствования последним данных у Хоренаци.

Наше исследование показывает, что сходство объясняется общностью источников двух авторов. Однако у Анонима сведения, почерпнутые из общих источников, в ряде случаев выступают в более близком к первоначальному, а у Хоренаци—в существенно обработанном виде.

Это обстоятельство выявляется в первом же ряду, который мы подвергаем анализу—в парфяно-персидской отрезке селевкидо-парфяно-сасанидской линии. У Анонима продолжитель-

ность этого отрезка, включающего 12 царей—502 года, что соответствует данным общего для него и для Хоренаци источника—«Истории Армении» Марабаса, сохранившимся в отрывке, приведенном в труде Прокопия Кесарийского De aedificiis (III, 1)⁵⁴. У Хоренаци же продолжительность парфянского списка, включающего 14 царей, равна всего 461 году.

Более тесное сходство, чем парфянские ряды, демонстрируют ряды Сасанидов. Если там у Хоренаци на два царя больше и в именах наблюдается некоторый разнобой, то здесь имена царей, их количество и очередность полностью совпадают. Совпадают и имена пропущенных царей. Отличие—в длительности правлений отдельных царей и, следовательно, в сумме лет правлений всех царей, составляющей у Хоренаци 215, а у Анонима—267 лет. Сравнение отдельных царствований показывает, что разница в сумме является следствием различия в длительности царствования первых двух и последних двух царей сасанидского списка.

Кто же инициатор этих различий? Аноним ли удлинил продолжительность сасанидской линии, или Хоренаци сократил, и с какой целью? Ряд данных показывает, что обработка и здесь, как и в парфянском списке, принадлежит перу Хоренаци. Это видно в первую очередь по тому факту, что предлагаемая им сумма лет сасанидского ряда—215 лет—очень близка к соответствующему историческому числу, равняющемуся 213 годам. Отсюда, как и из некоторых других фактов, становится ясным, что ему была известна достоверная итоговая сумма и, опираясь на нее, он провел необходимое сокращение, стараясь при этом коснуться как можно меньшего количества правлений. Следует, однако, уточнить, что опорой для Хоренаци послужило не число 215, которое для него является более или менее случайным, а число 202. Хоренаци была известна истинная длительность промежутка, отделяющего дату падения парфянской ветви Аршакидов (226 г.) от даты падения их армянской ветви (428 г.).

Однако внутри этого исторически достоверного периода в 202 года соответствующие сасанидские цари размещены у

⁵⁴ Ср. Н. Адонц, ук. соч., стр. 94.

Хоренаци не вполне достоверно. 70-летнее царствование Шапура II, указанное в отношении длительности удивительно точно у Анонима—73 года), подвинуто, однако, внутри этого 202-летнего периода на 16 лет ближе к концу. Вместе с тем, если рассматривать царствование Шапура II на фоне всей селевкидо-парфяно-сасанидской линии, то оно у Хоренаци помещено между 620 и 690 гг., считая с года воцарения Селевка (т. е. фактически, считая по селевкидской эре), что приходится на 309—379 гг. н. э., а это, как известно, исторически достоверные даты правления Шапура II. Полагаем, что эти достоверные даты восходят к сирийским источникам Хоренаци⁵⁵.

Итак, у Мовсеса Хоренаци были достоверные сведения о длительности промежутка между падением парфянских и армянских Аршакидов и о датах правления Шапура II. Следуя первым из них, он сократил число лет правления сасанидских царей, доставшееся ему из источника, до 202 лет; следуя вторым, он поместил этот отрезок в своей хронологической схеме таким образом, чтобы Шапур II попал на свое законное место—на 309—379 гг. Однако, так как Шапур II внутри этого отрезка был сдвинут ближе к концу, то когда в абсолютной хронологии он встал на свое место, весь список Сасанидов оказался искусственно подвинутым назад, т. е. в сторону начала исчисления. Этим и объясняется одно из двух упомянутых выше отклонений хронологии Хоренаци от достоверной хронологии—то, что она несколько короче достоверной.

Римская линия синхронной таблицы Хоренаци выявляет иные особенности. Если рассматривать ее на фоне селевкидского летосчисления и в сравнении с персидской линией, то она представляет собой цепь анахронизмов. Достаточно сказать, что дата рождения Христова падает на 37 г. до н. э., а римские императоры на 30—40 лет расходятся с персидскими царями. Однако если рассматривать ее самостоятельно, взяв за исходный пункт ту же дату рождения Христова, то она сразу принимает весьма стройный в подавляющей части своего протяжения вид. Так, дата воцарения Диоклетиана падает на 286 г. (достоверная дата—284 г.), воцарения Констанция

⁵⁵ Ср., например, Mešīḡa-Zkha, ук. соч., стр. 196.

II—на 337 г. (достоверная дата—337 г.), Феодосия—на 382 г. (достоверная дата—379 г.)⁵⁶.

Такая стройность и равномерность, однако, присуща не всей римской линии, а лишь ее центральной, правда, наибольшей, части—с I г. н. э. по 382 г. Отрезок, предшествующий этой части, как и отрезок, следующий за нею—деформированы. Начальный отрезок, охватывающий историю с 90-х гг. до н. э. по I г., сжат и доведен до 56 лет, вследствие чего Лукулл, Помпей, Красс, действовавшие на Востоке в 70—50-х гг. приходятся на 50—30-е гг. Конечный отрезок, с 382 по 428 г., наоборот, растянут лет на двадцать, почему и воцарение Феодосия II вместо 408 г. падает на 427 или 428 гг. и т. д.

С другой стороны, если снова поместить римскую линию в синхронную таблицу Хоренаци, то наблюдается любопытное явление. Начало и конец ее, т. е. наиболее смещенные пункты, оказываются связанными с персидской и армянской линиями достоверными связями,—никакого анахронизма, в то время как (что уже было сказано) средняя стройная часть этой линии предстает в виде серии анахронизмов. Так, Митридат Евпатор, Лукулл, Помпей оказываются, как им и положено, современниками Тиграна II, а в другом конце таблицы припл. 20-й год Феодосия II приходится на 9-й год Сасанида Бахрама V (по Хоренаци—II), что также исторически достоверно.

Отсюда следует ряд выводов. Первое, что средняя основная часть римской линии в таблице Хоренаци по каким-то причинам смещена в сторону начала исчисления, второе, что начальный и конечный пункты этой линии не подвергались смещению и остались неподвижными, вследствие чего и произошла деформация примыкающих к этим пунктам начального и конечного отрезков линии—начальный отрезок сжался, конечный, наоборот, растянулся. Наконец, третье, что у Хоренаци вместе с сильной побудительной причиной произвести ука-

⁵⁶ Следует отметить, что армянские средневековые авторы (например, Самуэл Анеци), пользовавшиеся «Историей Армении» Хоренаци и, в числе прочего материала, адаптировавшие также его хронологическую систему, исчисляли ее с исходным пунктом именно в год рождения Христова, немало не сомневаясь, что ему была известна христианская эра, как она была известна им. Между тем Хоренаци не знал этой эры и не мог ее знать.

занное смещение имелись также достаточно веские внутренние основания оставить начальный и конечный пункты линии неподвижными, если он сделал это ценой упомянутой деформации прилегающих к ним отрезков линии.

В поисках этих оснований мы наталкиваемся на то обстоятельство, что воцарение Тиграна II датировано Хоренаци достаточно достоверно—по селевкидской эре в 219 г., т. е. в 93 г. до н. э., что лишь на два года расходится с принятой в науке датировкой, основанной на данных неизвестного Хоренаци Плутарха (95 г. до н. э.). Эта исторически достоверная дата была, очевидно, достоверной и в глазах самого Хоренаци, т. е. была почерпнута в представлявшемся ему надежным источнике (предполагаем, что это—Юлий Африкан), раз он сделал ее одним из опорных пунктов своей хронологической системы (как он поступил и с датами Шапура II). Отсюда следует также вывод, который напрашивался уже при обсуждении дат Шапура II, а именно, что Хоренаци пользовался селевкидским летосчислением.

В другом конце римской линии мы, как было сказано, также обнаруживаем исторически достоверный синхронизм—совпадают соответствующие годы императора Феодосия II и Сасанида Бахрама V. Здесь, как и в предыдущем случае, сохранение этого пункта римской линии несомненно зиждется на том, что Хоренаци был уверен в его исторической достоверности.

В вопросе особенностей синхронизации римской и персидской линий таблицы Хоренаци остается еще выяснить причину смещения основной средней части римского ряда в сторону начала таблицы, смещения, приведшего к возникновению серии анахронизмов. Эта причина выясняется после анализа хронологической линии армянских царей.

Глава третья второй части посвящена линиям армянских царей и католикосов. Следует подчеркнуть, что первая часть линии царей (Валаршак-Хосров), в отличие от второй части ее (Хосров-Арташес), весьма далека от достоверной хронологии, за исключением уже упоминавшейся даты воцарения Тиграна II. По существу это не отклонения, какими являются, например, упомянутые выше анахронизмы, а совершенно иное

представление о хронологии истории Армении II в. до н. э.— III в. н. э., представлению, изучению которого посвящена глава вторая, отчасти и третья, первой части настоящего исследования. Здесь же этот отрезок рассматривается лишь в аспекте его источников и их обработки Мовсесом Хоренаци.

Эта часть армянской линии, которая синхронна парфянским Аршакидам, выявляет, подобно спискам последних, сходство с соответствующей частью линии армянских царей у Анонима. Различие заключается в сокращении количества имен и в некоторой их перестановке (причем причины последней большей частью объяснимы), а также в сокращении суммы лет правлений.

Вторая часть армянской линии, синхронная Сасанидам, существенно отличается от соответствующей части линии Анонима. Хотя порядок имен здесь совпадает, однако, во-первых, отличается, за одним лишь исключением, длительность правлений, взятых по отдельности (в других сравнениях бросается в глаза совпадение длительности большинства правлений), а во-вторых, линия Анонима обрывается на царе Врамшапухе, при котором и отмечено у него падение армянских Аршакидов, в то время как у Хоренаци следует еще три царствования.

Мы приходим к выводу, что эта часть линии армянских Аршакидов в целом несходна у Хоренаци и у Анонима, а имеющаяся общность объясняется отражением в них исторической действительности. Для того, чтобы убедиться в этом, проводим сравнение данных Хоренаци и Анонима с другими армянскими источниками, рисующими картину этого же периода — конца III—начала V века.

Сравнение этих данных с повествованием Агафангела о Хосрове и Трдате показывает, что в то время как сведения Хоренаци полностью совпадают с ним, цифры Анонима весьма отличны. Разительное сходство между данными Хоренаци и рассказом Агафангела приводит к заключению о том, что последний в этом вопросе был основным источником Хоренаци⁵⁷; к тому же у Хоренаци имеется прямое указание на это обстоятельство.

⁵⁷ Ср. А. Аннинский, ук. соч., стр. 30, 46 слл.

Среднюю часть линии — царствование Аршака и его сына Папа — сравниваем с данными Фавстоса Бузанда, «История» которого как бы продолжает «Историю» Агафангела. Здесь наблюдается обратная картина: данные Анонима сходятся с повествованием Фавстоса как в части длительности отдельных царствований, так и, в особенности, анахронизма в сопоставлении армянских и персидских царей. Данные же хронологии Хоренаци в том и в другом вопросе отличны. Вместе с тем, однако, хорошо известно, что «История» Фавстоса явилась одним из важнейших источников «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.

Заключительные части армянских линий Хоренаци и Анонима сравниваем с данными «Истории» Лазара Парбеци, содержащей последний этап истории аршакидской Армении. Прежде чем провести сравнение, однако, придется разобрать некоторые вопросы хронологии Парбеци и предложить исправление текста, которое снимает ее внутренние противоречия. Проведенное вслед за этим сравнение выявляет картину, аналогичную той, которая наблюдалась в случае с Агафангелом — данные Хоренаци и Лазара сходятся, данные Анонима — отличны.

Результаты этих трех сравнений свидетельствуют в пользу различного происхождения разобранных частей армянской линии у Хоренаци и у Анонима. Возникает, однако, новый вопрос. Хоренаци систематически дает числа лет правления всех царей, а между тем в трудах историков, с которыми мы провели сравнение, хронология носит главным образом описательный характер, цифры же выступают лишь эпизодически. Откуда же берутся цифры у Хоренаци? Из какого-либо неизвестного нам источника, систематически снабженного числами, или это просто повествовательный материал упомянутых авторов, переведенный на язык чисел самим Хоренаци?

Пытаясь внести некоторую ясность в этот вопрос, мы сравниваем данные Хоренаци с достоверными данными, насколько ими сегодня располагает наука. Бесспорных дат в хронологии истории Армении конца III—начала V вв. чрезвычайно мало, что сильно затрудняет дело. Имеется все же три опорных пун-

кта: даты воцарения Трдата⁵⁸ и Папа, дата падения армянских Аршакидов.

В результате сравнения выясняется, что изучаемый отрезок армянской хронологии у Хоренаци растянут настолько же, насколько смещена средняя часть римской линии, о чем говорилось выше. Эти два явления—растяжение армянской линии и смещение римской—оказываются взаимосвязанными. Выясняется, однако, что растяжение коснулось не всего интересующего нас отрезка армянской линии, а лишь части ее—от Трдата до воцарения Папа; начиная же от Папа и до конца династии хронология не только не растянута, но и несколько даже сжата. Причина сжатия выясняется достаточно убедительно—она кроется не в расчетах Хоренаци, а в данных его источников.

Основной вывод из сравнения таков: Хоренаци для последней, заключительной части своей армянской линии имел хороший, систематически снабженный числовыми данными источник, которого и придерживался. Для предшествующей части он, в дополнение к повествовательным источникам, имел лишь эпизодический цифровой материал.

Рассматривается также хронологическая линия армянских католикосов.

Изучение линии армянских правителей позволяет ответить на вопросы, оставшиеся без ответа при рассмотрении персидской и римской линий. Выясняется, почему именно смещен Шапур II во внутренней хронологии династии Сасанидов, что, как было сказано, в силу ряда причин привело к сокращению общей протяженности хронологии Мовсеса Хоренаци. Выясняется также причина смещения всей средней части римской линии в сторону начала исчисления, что, как было отмечено, привело к образованию целой системы анахронизмов. Смещение произошло вследствие того, что Хоренаци включил в свою хронологическую систему неверные данные Агафангела о соотношении времени правления царей Ардашира, Хосрова,

⁵⁸ Ср. П. А н а н я н, Дата и обстоятельства рукоположения Св. Григория Просветителя, «Базмавеп», 1960, № 5—6 (на арм. яз.), где автор успешно аргументирует мнение, высказанное ранее Я. А. Манандяном (Критический обзор, т. II, ч. I, стр. 102 слл.), что Трдат III воцарился в 298 г.

Трдата и императора Диоклетиана и расположил всю среднюю часть римской линии сообразно этим неверным данным.

Выясняется, наконец, и вопрос о характере связи хронологических данных Хоренаци и Анонима. Исследование показывает, что родство хронологических систем этих авторов истекает не из заимствования данных друг у друга, а из использования в ряде случаев одних и тех же источников. Будучи представителями, хотя бы и разновременными, но одной и той же—армянской действительности, авторы эти имели под рукой сходный хронологический материал, бытовавший в армянской исторической литературе. Но воспользовались они им по разному. Время жизни Хоренаци можно, таким образом, датировать без учета времени Анонима.

В главе четвертой второй части диссертации на основании проделанного исследования сделаны некоторые выводы о методике работы Мовсеса Хоренаци со своими источниками. Мы видим, что из массы разнообразных и разнородных хронологических сведений, имевшихся в его распоряжении, Хоренаци выбрал несколько представлявшихся ему по тем или иным соображениям наиболее достоверными и сделал их незыблемыми опорами, вехами своей системы, подчинив им остальной материал, преобразовав его соответственно требованиям этих вех. При этом он старался возможно меньше деформировать имевшиеся в его источниках готовые ряды и линии и вносил нужные изменения лишь в начальных и конечных частях их.

Фактов, послуживших для Хоренаци вехами, нам удалось насчитать двенадцать (несомненно, их было больше). Это—годы воцарения Селевка I, начала династии парфянских Аршакидов, воцарения Тиграна II; дата рождения Христа; уверенность Хоренаци в том, что с начала Сасанидской династии до года воцарения Трдата III прошло 40 лет; синхронизация года воцарения Трдата III с 3-м годом Диоклетиана; дата воцарения Шапура II по селевкидской эре; 202-летний период между падением парфянских и армянских Аршакидов; дата смерти Шапура III, которого Хоренаци в этом пункте принял за Шапура II; длительность правления армянских Аршакидов, начиная с царя Папа и до конца; синхронизация 9-го г. правления Бахрама V с 20-м г. Феодосия II; дата смерти Саака Партева.

Источники, снабдившие Мовсеса Хоренаци семью из этих двенадцати опорных пунктов, нам известны. Все это источники, о достоверности которых Хоренаци отзывается высоко. И действительно, шесть из семи сведений исторически достоверны, что свидетельствует об остроте исторического чутья Мовсеса Хоренаци. Однако одно из этих шести, будучи достоверным, было неправильно понято нашим автором (хотя и по независящим от него причинам) и в сочетании с седьмым, уже исторически недостоверным сведением, легло в основу двух описанных выше отклонений хронологии Хоренаци.

Происхождение остальных пяти вех из двенадцати нам пока неизвестно, однако тот факт, что три из них исторически достоверны, указывает на доброкачественность их источников. Степень достоверности двух последних пока подлежит проверке, однако пример остальных десяти фактов достаточно убедительно свидетельствует о том, что основные, опорные хронологические данные Хоренаци носят объективный характер, взяты им из внешних источников и не являются результатом его внутренних расчетов.

Эта-то методика обработки материала источников и позволила Мовсесу Хоренаци, при недоброкачественности определенной части имевшихся под его рукой данных и при наличии сравнительно небольшого круга исторически достоверных сведений, вести дело таким образом, чтобы определяющими и ориентирующими оказались в подавляющем большинстве случаев именно достоверные данные. В результате историку удалось создать хронологию истории Армении, не только отличающуюся внутренней стройностью и гармоничностью, о чем уже говорилось неоднократно, но и в целом значительно более близкую к исторической действительности, чем хронологические представления его армянских предшественников, данными которых ему приходилось оперировать.

Выявление творческих принципов создания хронологической системы Хоренаци, ее особенностей, ее внутренних закономерностей дает твердую опору для правильного использования его данных в установлении научной хронологии истории древней Армении.

Возникает также вопрос, характерна ли эта методика обработки сведений источников только лишь для хронологической системы Хоренаци, или круг ее шире и охватывает также другие области «Истории». Разобрав два примера, не относящихся к хронологии, мы приходим к выводу, что применение этого метода, во всяком случае, выходит за пределы собственно хронологической системы. Учет его при анализе ряда глав «Истории Армении» в первой части настоящей работы также дал положительный результат.

В настоящем исследовании мы разобрали лишь некоторые из творческих принципов Мовсеса Хоренаци и внутренних закономерностей его труда. Естественно, что имеется и целый ряд других сложных творческих принципов и закономерностей, которые также необходимо сделать предметом изучения. Творческая психология Хоренаци изучена лишь в незначительной мере, а между тем без знания ее мы не подойдем вплотную к содержанию «Истории Армении», не сможем с достаточной уверенностью проанализировать ее, выделить из нее объективное, историческое. А ведь дальнейший успех в изучении истории древней (до IV в. н. э.) истории Армении в существенной мере зависит от того, сумеют ли исследователи сделать подлинным достоянием исторической науки, подлинным высоконадежным первоисточником те несметные богатства, которые хранятся в недрах творения Отца истории армянского народа.

Во второй части диссертации имеется 14 таблиц и среди них—синхронная таблица по данным Мовсеса Хоренаци, как она рисуется в нашем восстановлении, снабженная вспомогательными столбцами различных исчислений; предлагаем ее читателю.

Ко второй части диссертации дано также три приложения: а) тексты всех хронологических указаний Мовсеса Хоренаци на языке оригинала; б) хронологическая синхронная таблица, в которой сведены данные Анонима, относящиеся ко времени от утверждения Сасанидов и до того пункта, где кончается хронология Хоренаци (хронология Анонима продолжается далее); в) критика датировки воцарения Трдата, предложенной Ст. Малхасянцем по данным Хоренаци; здесь затронуты вопросы методики пользования хронологическими данными Мовсеса Хоренаци.

СИНХРОННАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПО ДАННЫМ МОВЕСА ХОРЕНАЦИ

Столбцы:

1. Абсолютное исчисление времени по Хоренаци, которое соответствует селевкидскому летосчислению.
2. То же — переведенное на исчисление от рождения Христа.
3. Исчисление времени, в котором за отправной пункт принят 428 г. н. э., как дата падения армянских Аршакидов.
4. Селевкидские, парфянские и сасанидские цари с указанием достоверных дат.
5. Армянские цари и католикосы.
6. Отдельное (самостоятельное) исчисление римской линии (отправным пунктом является II год царя Абгара, представляющий собой, по Хоренаци, год рождения Христа).
7. Римские деятели, императоры и связанные с ними лица (курсивом даны имена тех лиц, которые у Хоренаци датированы описательно — без цифровых данных; при именах даны достоверные даты).

1	2	3	4	5	6	7
1	311	295	Селевк I (311—280)			
32	280	264	Антиох I (280—262)		274	
51	261	245	Антиох II (262—247)			
61	251	235	Аршак Храбрый (ок. 250)			
92	220	204	Артасес			
118	194	178	Аршак Великий	Валаршак		
159	153	137		Аршак		
171	141	125	Аршакан	Артасес		
181	131	115		Тигран (95—56)		
194	118	102	Аршанак			
201	111	95	Аршез		56	
219	93	77				
233	79	63				

Союз Митридата с Тиграном II—90-е гг. до н. э. Лукулл (Вайкун) в Армении—69—68 гг. Помпей в Армении—66 г. Смерть Митридата—63 г. Поражение Красса—53 г. Смерть Юлия Цезаря—44 г. Возвращение Ирода—40 г. Венгидий на Востоке—39 г.

1	2	3	4	5	6	7
252	60	44		Артавазд	23	Антоний в Армении—34 г.
254	58	42	Аршавир	Аршам	21	
255	57	41		Абгар	-1	
274	38	22		II год Абгара	+1	Рождение Иисуса Христа—1 г. н. э.
275	37	-21				Смерть Августа—14 г. Тиберий—14—37 гг. Германик на Востоке—19 г.
301	-11	+6	Артасес	Санатрук	38	Клавдий—41—54 гг.
312	+1	17	Дарий	Ерванд	68	Веспасиан—69—79 гг. Тит—79—81 гг.
335	24	40		Артасес	89	
342	31	47				Домitian—81—96 гг. Нерва—96—98 гг. Траян—98—117 гг. Адриан—117—138 гг. Восстание Бар-Кохбы—132—135 гг.
363	52	68	Аршак	Артавазд		
365	54	70	Артасес	Тиран	130	
382	71	97	Пероз	Тигран	151	
402	91	107		Валарш		
404	93					
425	114	130	Валарш	Артавазд		
436	125	141		Тиран		
467	156	172	Артабан	Валарш		
486	175	191	Смерть Артабана (226)	Хосров		
487	176	192	Ардашир (226—241)			
521	210	226				
522	211	227				

Тит II (Антонин Август)—138—161 гг. Люций Вер—161—169 гг.

1	2	3	4	5	6	7
535	224	240		Ардашир в Армении	261	Филипп Араб—244—249 гг. Деций—249—251 гг. Галл—251—253 гг. Валериан—253—260 гг. Клавдий—268—270 гг. Аврелиан—270—275 гг. Квинтил—270 г. Тацит—275—276 гг. Флориан—276 г. Проб—276—282 гг. Кар—282—283 гг. Карин—283—285 гг. Нумериан—283—284 гг. Воцарение Диоклетиана—284 г. III год Диоклетиана—286 г. Констанций I 299—306 гг. Константин I—307—337 гг. Лициний (последний год правления)—324 г. Никейский собор—325 г. Воцарение Констанция II—337 г.
560	249	265		Шапур в Армении	286	
561	250	266		Трдат	287	
562	251	267	Шапур I (242—272)		288	
578	267	283		Григорий Просв.	304	
608	297	313	Нарсе (2.3—302)	Аристакес	334	
611	300	316		Вртанес	337	
615	304	320			341	
617	306	322	Ормизд (302—309)		343	
618	307	323		Хосров	344	VIII год Констанция II—335 г.
620	309	325	Шапур II (309—379)		346	
627	316	332		Тиран	353	XVII год Констанция II—353 г.
630	319	335		Юсик	356	
636	325	341		Парнерсех	362	Юлиан—361—363 гг. Иовиан—363—364 гг.
638	327	343		Аршак	364	Валентиниан—364—370 гг. Валент—364—378 гг.
639	328	344		Нерсес	365	
656	345	361		Пап	382	Воцарение Феодосия I—379 г.
668	357	373		Шахак	394	
673	362	378			399	

1	2	3	4	5	6	7
675	364	380		Вараздат	401	
676	365	381		Завен	402	XX год Феодосия I (фиктивная дата; Феодосий правил лишь 16 лет).
679	368	384		Аршак и Валаршак	405	
680	369	385		Аспуракес	406	
684	373	389		Хосров	410	Воцарение Аркадия—390 г.
686	375	391		Саак Партев	412	
689	378	394		Врамшалух	415	
690	379	395	Ардашир II (379—383)		416	
694	383	399	Бахрам I (IV) (388—399)		420	
704	393	409		Хосров	430	Смерть Аркадия—воцарение Феодосия II—408 г. (согласно Хоренаци—в самом конце царствования Бахрама I (IV) или в самом начале царствования Мездигерда I).
710	399	415	Мездигерд I (399—420)		436	
711	400	416		Шапух перс	437	
715	404	420	Бахрам II (V) (420—439)		441	
718	407	423		Безвластие	444	
723	412	428	IX год Бахрама V (428)	Падение армянских Аршакидов	449	
724	413	429		Сурмак	450	Прибл. XX год Феодосия II—около 428 года.
725	414	430		Бркишо	451	
728	417	433		Шмуел	454	
736	425	441	Мездигерд II (439—)	Смерть Саака Партева	462	

По теме настоящей диссертации ее автором опубликованы следующие работы:

1. О методе использования источников Мовсесом Хоренаци, «Банбер Матенадарани» («Вестник Матенадарана»), № 3, 1956 (на арм. яз.), стр. 31—42.

2. О хронологической канве «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации», М., 1960, 15 стр. То же на немецком языке, 24 стр.

3. Дастакерты и агараки в армянских источниках V века, «Историко-филологический журнал», 1962, № 3 (на арм. яз., резюме на русском языке), стр. 77—94.

4. Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, Ереван, 1965 (на арм. яз., резюме на русском языке), 192 стр.

5. Армения во II веке до н. э. (Опыт систематического привлечения данных «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци для освещения истории эллинистического периода), «Известия АН Арм. ССР. Общественные науки», 1965, № 3, (на арм. яз., резюме на русском языке), стр. 57—72.

6. Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении, «Вестник древней истории», 1966, № 2, стр. 3—26.

7. Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци (на арм. яз.), 10 п. л. (в печати).